

A man with a beard and mustache, wearing a blue beret with a circular emblem, a green military jacket, and a black tactical vest. He is holding a rifle. The background is dark and textured.

**АНДРЕЙ
ГОНЧАРОВ**

Русский мир - это война

2014.

КОГДА БЕЗДНА СМОТРИТ НА ТЕБЯ

РОМАН

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Андрей Гончаров

2014. Когда бездна смотрит на тебя

«Автор»

2020

Гончаров А.

2014. Когда бездна смотрит на тебя / А. Гончаров — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-95348-2

На Украине грянула «революция достоинства». Политолог Тихомиров едет воевать за Донбасс, потому что хочет построить независимое государство социальной справедливости и традиционных ценностей – Новороссию. Бывший спецназовец и журналист Поручик едет воевать за Донбасс, потому что считает, что украинство – это зловердная инфекция, которую можно только уничтожить. Журналистка Лена едет в мятежный Донецк, потому что хочет быть честной журналисткой и считает, что достоверно писать можно только о том, что видел своими глазами. В хаосе войны и предательства, самопожертвования и корысти, когда каждая из воюющих сторон ищет не столько победы, сколько выгоды, никто из них не найдет того, что искал, но получит самое ценное в жизни, то, что обходится дороже всего – избавление от иллюзий.

ISBN 978-5-532-95348-2

© Гончаров А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Градус абсурда	6
Глава 2. Гроза над Синевиром	18
Иван-Тарас	22
Глава 3. Война детей	25
Елена	30
Глава 4. Очарование взрыва	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Гончаров
2014. Когда бездна смотрит на тебя

Меня часто спрашивают: «За что вы воевали?»

За две сливы, за спасибо и за Саиеньку.

Глава 1. Градус абсурда

Одесса. Конец августа, 2014 г.

Когда стреляют из гранатомета, сначала виден только небольшой огонек летящего выстрела. А когда он попадает в цель, то разрыв виден как неровное облако густого жирного черного дыма с мгновенным всполохом огня. Выстрел, попавший в окно военкомата, поставил большой жирный крест на недолгой и бестолковой карьере Поручика в качестве разведчика и диверсанта.

Гранатометчик отбросил дымящуюся шайтан-трубу одноразового РПГ, побежал пригнувшись вдоль военкоматского забора с ячейками поверху и прыгнул на заднее сидение поджидавшего его черного блестящего внедорожника. Еще не захлопнулась дверца за диверсантом, как водитель рванул с места, а сидящий на штурманском кресле стрелок убрал из окна ствол автомата.

В тот момент, когда открылась дверца джипа, чтобы принять гранатометчика, покинула свои посты тройка стрелков, обеспечивавших безопасность периметра. Одетый в черную униформу, чтобы в него сложнее было целиться в тени городской застройки, в черной маске и перчатках, чтобы не отсвечивала белая кожа, первый номер развернулся и принял в коленную стойку, взяв под контроль своей «семьдесятчетверки» всю длину ночной одесской улицы местами кое-где освещенной фонарями. Двое других автоматчиков добежали до машины и присели у колес, вдвоем контролируя все 360 градусов периметра. Через три секунды они все влились в машину, и второй черный «мастодонт» с глухим воем умчался с места происшествия.

Последним покинул свой пост на крыше здания через дорогу от военкомата снайпер. Закинув за спину СВДС, он скинул бухту черной гладкой веревки с крыши вниз и с громким щелчком пристегнулся к ней карабином страховочной системы. Быстро и бесшумно встав на парапете на одно колено, он оттолкнулся и стремительно съехал вниз. Сдернув веревку за собой, снайпер побежал к ожидающей его в тени деревьев машине, на бегу сбуктовывая веревку. Хороший снайпер не оставляет следов на месте своего пребывания.

Так могло бы быть, если бы это был добротный голливудский боевик или если бы «Одесских партизан» не предавали с самого начала и без конца. Предательство оказалось фактом еще три недели назад, когда «Одесские партизаны» получили приказ на проведение акции. Но Поручик, казалось бы, закаленный как откровенным паскудством, так и банальной человеческой глупостью, не мог признаться в этом даже самому себе. Тем более не могли признать этого факта «Одесские партизаны», пребывавшие в эйфории от оказанного доверия. Ведь сама Русь-матушка, пусть и устами потертого капитана-лейтенанта, доверила им разрушить украинство, как явление. Правда, пока что для этого требовалось выстрелить из гранатомета в окно военкомата. Сделать это нужно было ночью, когда там никого не будет, чтобы избежать жертв.

– Ты недооцениваешь важность информационного значения акции! Все увидят, что Одесса не пала на колени, Одесса сопротивляется! – с пеной у рта доказывал Борода Поручику.

Поручик – прямой виновник торжества, посланец сепаратистского Донецка и связной «Одесских партизан» с разведкой ВМФ РФ, относился к полученному заданию, мягко говоря, с прохладцей и был настроен его саботировать. Однако его позиция не нашла понимания не только у руководства «Одесских партизан», но даже у непосредственных исполнителей теракта – Востока и Доброго, которым уже так хотелось что-нибудь взорвать или кого-нибудь застрелить, что они были готовы хоть на президента покушение организовывать.

Дебаты кончились тем, что Добрый подвез Поручика к месту теракта на раздолбанном белом жигуленке и высадил в квартале от военкомата, чтобы не засветить машину. К военкомату Поручик пришел пешком, вынул из сумки РПГ-18, разложил, выстрелил из «Мухи» в без-

жизненное черное окно, бросил тубус и пошел на троллейбусную остановку. Учитывая общую бессмысленность замысла, нужно признать такой способ проведения теракта единственно правильным. Чем меньше народу задействовано, тем меньше попадетя.

С одесскими подпольщиками Поручик решил больше не встречаться. В обозримом будущем во всяком случае, а лучше – вообще никогда. Выстрел из РПГ – это первый теракт подпольной группы одесского сопротивления и, к сожалению, последний. Несмотря на все принятые меры безопасности и конспирации, ребята просто обречены.

Все еще фантазируя на тему черного внедорожника, Поручик сел в троллейбус, идущий в сторону железнодорожного вокзала. В этом был весь стиль войны на Донбассе. Воевать в тапках вместо берцев, вместо десантного ранца иметь красное пластмассовое ведро, вместо шеврона – георгиевскую ленточку, в качестве оружия – проржавевший СКС или автомат без шомпола, с места теракта убежать на троллейбусе...

– Если бы наши противники не были такими же идиотами, мы проиграли бы эту войну, – отягощенный таким мыслями, Поручик резво бежал по пустому вокзалу, чтобы успеть на последнюю электричку, следующую в Белгород-Днестровский через Каролино-Бугас.

Так бежали на бессарабские берега боевики-анархисты после восстания 1905 года. Катакомбами выйти к морю, а там, в известном месте ждет шаланда под полосатым парусом, груженная контрабандным товаром. И в Турцию, Румынию, Грецию, куда угодно, где может найти себя фатовый человек. Война, начатая черенками от лопат, продолжалась в том же духе.

Пока одесские менты удивленно тыкали пальцами в выгоревший пустой кабинет военкомата и в шутку предлагали версию, что стрелял кто-то желавший откосить от армии, Поручик трясся на задней площадке последнего вагона, куда сел по студенческой привычке. В голове вагона сидела одинокая блондинка. Симпатичная девушка лет 18-19, с типично украинским слегка приплюснутым носиком.

Вернувшись в Одессу после отступления стрелковцев из Славянска, Поручик поселился в Каролино-Бугасе. Светить лицом в Одессе, где его знала каждая собака от моста на Молдованке до Греческой площади, не считая евреев и журналистов, показалось ему слишком амбициозным. Учитывая его всем известное русофильство, изрядную таки публичность фигуры и внезапное исчезновение в апреле 2014 года, его появление могло вызвать странные вопросы у тех поцов, которые имеют неприятное обыкновение обсуждать чужую жизнь, то есть у всей Одессы. И что хуже – у националистов, ментов и сбущников. Для Поручика, который любил, когда о нем говорят, но не настолько, это было слишком.

С восстанием 1905 года теракт роднило еще и то, что гранатомет, как револьверные патроны для «БУНДа», был попросту куплен. «Муху» купил Восток по случаю, когда прогуливался по набережной, размышляя, как ему попасть на флагман украинского флота. Единственный, после того как Крым отчалил в сторону России, полноценный корабль украинского флота U-130 «Гетьман Сагайдачный» беспокоил российский черноморский флот своим существованием, поскольку никакой реальной угрозы нести не мог. В связи с внезапным исчезновением флота, Украина вложила в модернизацию U-130 средства, которые планировалось отпустить на весь флот. Теперь российская разведка ВМФ, делая испуганные глаза, требовала сделать фотографии основных узлов вооружения, ходовой и связи U-130.

У раскладушки с флагами «Правого сектора» возле Дюка, стоял бывший сослуживец Востока, вместе с которым они состояли в батальоне территориальной обороны.

После одесской Хатыни далеко не все одесские русские активисты уехали на Донбасс. Май для Одессы оказался переломным. Между русскими и украинцами пролегла кровь. Любому здравомыслящему человеку стало понятно, что теперь есть только один путь – война. Уезжали молодые и старые, здоровые и не очень, одинокие и семейные. Но не те, кому нечего было терять, а те, кто понимал, что не вернется обратно и осознанно шел на это. Расстаться с

Одессой... Это было, пожалуй, сложнее, чем решиться пойти на войну. Большинство же затаилось и затаило злобу.

Среди затаившихся русофилов оказались несколько бывших курсантов Центра «Китеж». По собственной инициативе они вступили в формирующийся батальон территориальной обороны. Такие формирования создавались тогда во всех городах Украины и некоторых особо патриотических вузах, вроде Киево-Могилянской академии. Деньгами на формирование их заряжали местные ячейки украинских националистических партий, штабами служили партийный штабы. Это был второй эшелон добробатов, который должен был прийти на смену более раскрученным «Донбассу», «Айдару», которые несли огромные потери в донбасской мясорубке. А пока террбаты ожидали отправки на фронт, их приставили к патрульно-постовой службе, чтобы чем-то занять, и они не разбежались. Теперь вместо традиционного патруля из троих ППСников в серой форме, по городу зачастили патрули, возглавляемые одним срочником-милиционером, которого сопровождали двое террбатовцев. Отличить их можно было было без всяких знаков различия. Милиционер был маленький, худенький, из воротника слишком большой рубашки торчала тоненькая шея. Террбатовцы же напротив были вполне упитанны. Вооружен патруль был резиновой дубинкой, которую носил на ремне ППСник. Зато террбатовцы со всем пролетарским вдохновением наряжались в камуфляжи и тактическое снаряжение, которое им тоннами подвозили волонтеры. Помимо патрульной службы, террбатовцы несли службу на блок-постах.

С появлением в Новороссии первых блок-постов, это поветрие массово охватило Украину. В каждом городе, от мала до велика, на въездах и выездах появились блоки, иногда по несколько штук. Иногда белыми мешками с песком были укреплены посты ДПС, иногда груды мешков с накинутой сверху маскировочной сеткой вырастали просто посреди дороги. На ментовских постах службу несли совместно автоинспекторы и «гражданские активисты». Инспекторы работали в обычном режиме, активисты реализовывали застарелые комплексы, демонстрируя абсолютную беспомощность в экстремальных ситуациях и шизоидно-параноидальный синдром в принципе.

Блоки с ДПСниками усиливали бронетехникой. Как правило, из-за мешков выглядывал БТР. На ключевые блоки пригнали даже «Шилки». Правда, агентура из числа активистов сообщила, что ресурса у «Шилок» хватило только на то, чтобы своим ходом добраться до блок-постов. Теперь их даже передвигать боятся во избежание поломок. Однако БК у «Шилок» заряжен по полной. Если бы воины Новороссии действительно начали штурмовать украинские города, собранная информация могла бы иметь значение. Однако по факту все агентурные сведения остались всего лишь свидетельствами патологического расстройства психики укро-активистов.

Активист останавливал водителя. Тот недоуменно смотрел на инспектора ДПС. Инспектор прикладывал руку к фуражке: «Претензий нет». Активист загораживал дорогу. Водитель переспрашивал: «Я могу ехать?»

– Можете ехать, – подтверждал инспектор и стыдливо отворачивался.

И тут водитель попадал во власть активистов. У него грубо требовали документы, объяснений, куда следуете и зачем, открыть багажник. Попытки объяснить, что «инспектор же сказал, что претензий нет», приводили к увеличению градуса агрессии. Попытки выяснить личность допрашивающего и вообще его право останавливать, обыскивать, допрашивать разбивались о железное «я – активист». Милиция стояла рядом и старательно отворачивалась.

Служба на блок-постах стала отличной возможностью компенсироваться для тех гражданских активистов, которые оказались слишком трусливы, чтобы пойти на фронт. Зато на блок-постах они демонстрировали свою власть в условиях полной безнаказанности.

Когда пришел приказ выдвигаться в зону АТО, батальон разбежался. Теперь Никита добывал данные по флагману и единственному боеспособному кораблю украинских ВМС для

российской разведки, а Артем торговал флагами и вышиванками, пополняя кассу «Правого сектора».

Увидевшись, они притворно обрадовались, поручкались и даже потискались, как и положено побратимам, Восток заценил торговлю стреляными тубусами РПГ и, естественно, в шутку спросил, нет ли настоящих? В шутку же услышал, что есть конечно, сейчас у каждого настоящего бандеровца есть РПГ. Также в шутку спросил, сколько есть и почему? Сколько надо, столько и есть. Своим по сто. Заказал три, тем же вечером забрал. Война войной, а торговля должна быть честной, иначе нельзя будет доверять людям иного вероисповедания.

Провести параллель между покупкой Востока и терактом бандеровец Артем, конечно же, сможет, но только на уровне подозрений. Когда у каждого дома есть РПГ, когда этот каждый относится к армии как к предателям общего дела и слугам режима, кандидатов на выстрел оказывается слишком много. Однако, несмотря на все богатство выбора, украинские спецслужбы неминуемо и что еще печальнее быстро выйдут на след «Одесских партизан». Когда выяснится, что никто из нациков не стрелял, то круг подозреваемых сузится до нельзя. Одесса – не маленький город, а большая деревня, где все друг друга знают и все спят под одним одеялом. В частности, поэтому Поручик и был категорически против бессмысленного выстрела.

Накануне теракта, если можно назвать этим благородным словом бездарную пальбу по пустому военкомату, душной страстной одесской августовской ночью, когда уважающие себя люди гуляют по набережной, держа руку на талии украинок с черными бровями, русских с пшеничными локонами, молдаванок с родинкой на левой груди, евреек с чувственными губами или других девушек, неясного этнического происхождения, Поручик имел встречу с предводителем «Одесских партизан» Бородой. В пустой комнате заброшенного научно-исследовательского института раскачивалась лампа под голым абажуром. Так большевики планировали захват Зимнего.

Поручик познакомился с Бородой в начале марта именно здесь в голой обшарпанной комнате с болтающимся абажуром. Поручик тогда просто стоял у стены. На сходке русских партий Украины выступал Тихомиров.

– У нас наблюдается проблема с консолидирующими символами, – говорил он, – Фактически есть только один свой опознавательный знак, всеми принятый и узнаваемый, однозначно идентифицируемый – Георгиевская ленточка. Нужно сделать ее нашим символом де юре – объявлять с трибуны несколько дней подряд, что все, кто в рядах Антимайдана, носят на рукаве георгиевские ленточки.

Власти официально распустили «Беркут», нам нужно подхватить их знамя – скупить в военторгах, где еще остались, шевроны «Беркута» и нашивать на одежду и вещи. Опять-таки, объявить об этом на митинге, пусть теперь наша Антимайдановская самооборона называется «Беркут», раз уж государство от него отреклось.

У нас нет единого, всеми признанного флага, это проблема. Нельзя использовать российский триколор, чтобы не сталкивать лбами Россию с Украиной, нужно поднять черно-желто-белый, имперский триколор, он ассоциируется с русским национализмом, вот и противопоставим русский национализм украинскому. Не все примут имперский флаг, Бог с ним, поднимем в качестве флага большую Георгиевскую ленточку – пусть нашим флагом будет черно-оранжевый пятиполосный.

У нас нет «официальной» кричалки. Давайте использовать «Ганьба! Банду геть!» она на слуху и задает правильное направление движению Сопротивления – у власти стали бандиты, геть их!

До сих пор поддерживается мнение, что Майдан – это борьба интеллигенции против быдла. Нужно напомнить, что «Правый сектор», «Свобода» иже с ними не просто разрушили памятники Ленину, это как раз многие рядовые граждане поддерживают, а разорили могилы советских солдат по всей западной Украине. Те, кто сегодня составляет ряды «патриотов»

избивал стариков-ветеранов во Львове 9 мая. Об этом надо напомнить, а то многие подзабыли. Режим осквернителей могил не имеет права на существование!

Сегодня все было не так. Народу меньше, меньше слов.

– Рад был нашему знакомству, сеньор, надеюсь еще увидеть вас живым, хотя и изрядно в этом сомневаюсь, – Поручик сразу взял быка за рога.

– Это только начало... – начал Борода. Он старше и авторитетнее, но Поручик перебил: «Это конец. Сейчас по горячим следам безрезультатного теракта начнется следствие с привлечением всех возможных сил аппарата ищеек, потому что вы – сепары. Лучше бы вы ювелирку ломнули, даже тогда были бы шансы сплетать, а так вас найдут без вариантов. И посадят, а на зоне убьют, на этом закончится ваша война».

Еще во время переговоров с российской разведкой в Крыму, которая должна была предоставить оружие, взрывчатку, профинансировать мероприятие и обеспечить пути отхода, у Поручика закралось нехорошее подозрение. Подозрение в том, что разведка РФ имеет своей целью не свержение незаконно захваченной власти на Украине, а ликвидацию руками СБУ пророссийского подполья, столь нелепым было поставленное задание и столь рьяно настаивали на нем кураторы. Но мысль эта показалась тогда абсурдной. Организация и обеспечение теракта были столь запутанными и неоправданно усложненными, что Поручик списал это на идиотство и всегдашнюю бестолковость военных, их желание ни за что не нести ответственности. Теперь же, в ночной электричке, наедине со студенткой-одесситкой, которую нужно пригласить гулять на море и там, держась за руки, наблюдать, как лунная дорожка бежит по волнам, и ходить босиком по прибою, держа туфли в руке, и целоваться до утра, Поручик окончательно понял, что это конец партизанского движения и счет идет не на дни, а на часы. И как бы он не маскировался, и где бы не отлеживался, на него неминуемо выйдут, как и на других членов группы.

Студентка осталась невыгулянной и нецелованной, Поручик вышел в Каролино-Бугасе, с сожалением посмотрел вслед уходящей электричке, в которой уезжала блондинка, с недоумением смотревшая в окно, и пошел к себе на дачу. Здесь, в Каролино-Бугасе, на дачах и обрывистых берегах бесконечных бессарабских пляжей все начиналось. Впрочем, нет. Началось все значительно раньше и не здесь. Но здесь впервые все сложилось, все фигурки легли в свои трафареты так, что спустя три года в сложившемся порядке, через политические споры и разногласия, через поиск себя и своей роли в жизни государства Украина, добрались до гражданской войны на Донбассе, вспыхнувшей в начале мая 2014 года.

В мирных и, как позже стало понятно, благополучных нулевых в Каролино-Бугасе проходила школа журналистики «А5». Чистой воды стартап – молодежная, студенческая движуха, родившаяся, как проба пера и проба сил. «А5» было общим брендом сети студенческих газет, объединенных только общим брендом «А5». Газета под названием «А5» могла существовать в любом вузе страны, иногда в одном вузе могло быть несколько «А5». Единственным требованием было выходить в формате А5. Тематика, как и финансирование газеты, оставались на откуп редакции. Вы могли писать как угодно, о чем угодно, при этом чувствуя принадлежность к общему движению студенческих газет. Поэтому газеты «А5» возникали там, где собиралась группа инициативных студентов, которым нетерпелось. Не побороться с мировым злом и не обязательно попробовать себя в журналистике. Просто нетерпелось как-то проявить себя.

«А5» была зарегистрирована в Палате по контролю за печатью и на сотрудников любой «А5» распространялись права и свободы журналистов, то есть чиновники, менты и депутаты обязаны были отвечать на их вопросы и запросы, и не могли игнорировать.

Газеты «А5» возникали и исчезали каждый божий день, но раз в год автор бренда, талантливый одесский еврей Сергей Лекотт, организовывал в Одессе «Школу журналистики «А5».

Участие было платным. На эти деньги Сергей арендовал базу отдыха. Иногда с домиками, иногда с палатками. Приглашал медиатренеров – опытных журналистов, не пренебрегающих общением с молодежью. Занятия проходили в летних кинотеатрах, в коридорах, на скамейках. Это была прекрасная тусовка единомышленников. Медиатренеры не капризничали. Они проводили занятия днем, а иногда и ночью. Спали, где придется – кто в комнате, а кто в машине, кто под кустом, а кто и на пляже. В воздухе висела атмосфера лета, любви и свободы.

В число приглашенных медиатренеров попал и Поручик, распрошавшийся с силовыми структурами в тягостном недоумении, но не распрошавшийся с желанием изменить мир.

– Сколько не выступаю перед аудиторией, все равно нервничаю, – рассказывал Ермаков, – казалось бы, материалом владею, с аудиторией контакт быстро нахожу, но все равно что-то грызет, что-то беспокоит, особенно когда готовишься.

Организаторы и преподаватели «А5» сидели на тенистой веранде дачного домика. В стеклянных рюмках, которые принес, презиравший плебейские пластиковые стаканчики, Ермаков, плескался желтый вермут. Дело шло к полудню. Одесская жара не располагала к труду. На соседних дачах проходил фестиваль «Арт-мьюзик» и студентки «А5» отпросились готовить репортаж и брать интервью. Их с удовольствием отпустили, а теперь ленились и пили в тени винограда, предаваясь легкой неге и тонкому эротизму.

Настя в невесомом сарафане сидела на коленях у Тихомирова. Он время от времени тянулся к столу то за рюмкой, то за оливкой, то за кусочком сыра, и мимолетно целовал ее румяное гладкое плечико, проводил пальцем по спинке или прикасался носом к розовому ушку. Настя не ломалась, не хихикала глупо, не делала вид, словно это недопустимо. Она принимала тихомировские ласки так же, как дуновение легкого ветерка с моря, как жаркую полуденную истому, естественным порядком вещей.

– У меня такое бывает, когда готовлю новую тему. А когда в стопятидесятый раз одну и ту же лекцию читаешь, то не то что беспокойства, вообще никаких чувств не испытываешь, – поделился Тихомиров, – Ты просто редко преподаешь, поэтому успеваешь отвыкнуть.

Он положил руку на Настино бедро весьма высоко и очень рискованно, но она просто закинула ногу на ногу, зажав тихомировскую ладонь между бедрами, и непринужденно накрыла эту картину подолом короткого сарафана в подсолнухах. Алексей Тихомиров, в распоряжении которого осталась только одна свободная рука, снял ее с Настиной талии и взял рюмку. Отпив глоток, он продолжил: «Это как с парашютом прыгать. Первый раз очень страшно, потому что не знаешь, что тебя ждет. Второй раз вообще кошмар как страшно, потому что знаешь. А потом привыкаешь, и становится безразлично. Но если сделать перерыв, то снова страшно. Не так, конечно, как во второй раз, но все равно. Чувствуешь, что живешь».

– А вы прыгали с парашютом? Я тоже очень хочу, – с придыханием восхитилась Мария.

Мария была студенткой «А5». На вечере знакомств она так и представилась «Мария», вела себя очень строго и сдержанно. На первой же лекции на нее неизгладимое впечатление произвел Тихомиров, который в пух и прах разгромил университетское журналистское образование, продемонстрировав приверженность основополагающим академическим дисциплинам, таким как философия, история и политология. Он назвал журналистику «ремеслом» и был категорически против возведения ее в ранг академической науки. Тихомиров вообще производил хорошее впечатление своей эрудицией, способностью слушать собеседника, умением аргументировано спорить и не показным, а настоящим интересом к образу мыслей оппонента. Кроме того, он был самым старшим из преподавателей, ему уже исполнилось тридцать семь лет.

Ради общества Тихомирова Мария отказалась идти на фестиваль «Арт-мьюзик» и теперь вынуждена была наблюдать, как медленно пьянеющий преподаватель политологии ласкает сидящую у него на коленях другую студентку.

Настя училась на первом курсе факультета психологии Одесского государственного университета. Там она узнала о существовании школы журналистики «А5», разыскала организатора школы Сергея Лекотта и попросилась работать администратором в обмен на бесплатные занятия в школе. Настя была девушкой милой и непосредственной, поэтому практически всегда добивалась своего.

– Конечно прыгал, и довольно много. Я же целый командир воздушно-десантного взвода, – Тихомиров был слишком увлечен Настей, чтобы заметить неестественность Машинного интереса.

– А вы прыгали? – обратилась Мария к остальным. В ее вопросе было столько экспрессии, словно прыжки с парашютом были необходимым условием свободы и самовыражения личности. На самом деле Маша пребывала в такой растерянности от Настинного егезения на коленях у Тихомирова, что он понесла чушь про парашютные прыжки просто, чтобы не удариться в истерику.

– Нет, я нет, армия – это не мое, – пресс-секретарь министерства культуры Украины Артем Симагин не смешался. Ему вполне хватало мужественности и без голубого берета. Он был несколько моложе Тихомирова, но крупнее и выглядел очень солидно с аккуратно подстриженной черной бородкой. Артем недавно выиграл грант USAID на молодежное информационное агентство и всерьез рассматривал студентов и преподавателей «А5», как будущих авторов.

– Я тоже нет, у меня кафедра мотострелковая, – организатор школы «А5» Сергей Лекотт тоже не считал тему парашютных десантов уместной, но и ставить Машу в неудобное положение не хотел.

Саша Топчиенко не ответил ничего, ему вообще было трудно находиться в человеческом обществе, а тем более говорить на такие исконно мужественные темы, как служба в армии, с девушкой, которая не может не нравиться. Саша стал журналистом, потому что больше ничего не умел. Быть журналистом он сначала тоже не умел, но он был тонким интеллигентным юношей и был не способен отстаивать свои интересы. Неизвестно для чего окончив факультет иностранной филологии, он болтался по городу, пытаясь сориентироваться, кем же ему теперь работать, если не школьным учителем? Работать в школе он категорически не хотел – дети его тиранили.

В Областную телерадиокомпанию он попал случайно, там работал его университетский друг. В коридоре Сашу увидел главный редактор, пригласил к себе в кабинет и через две минуты беседы ни о чем, сказал: «Вы мужчина, носите галстук, и он вам идет. Будете у нас работать». Украинские государственные СМИ, сохранившие свою структуру, да и кадры, еще с Советского Союза, были намертво оккупированы тетками без определенного возраста, которые работать не умели и не хотели. Зарплаты здесь были нищенскими, но и работать не требовалось. Журналистская инициатива здесь не приветствовалась. Существовал план съемок, расписанный на неделю вперед. От редактора требовалось своевременно выписать путевку для водителя редакционной «Волги», взять оператора и посетить брифинг-круглый стол-заседание облгосадминистрации или мэрии, налоговой инспекции или Службы безопасности Украины, МВД или МЧС. Неудобные вопросы задавать было нельзя, освещать требовалось только позицию правительства.

В тягучем болоте Областной телерадиокомпании Саша Топчиенко пришелся как нельзя кстати. Он не стремился кому-то что-то доказать или исправить мир. Он был вежливым и исполнительным сотрудником. Тетки без возраста вскоре зашипели в коридорах, что следующим главным редактором будет именно он, а вовсе не Раиса, усердно окучивавшая нынешнего главреда в надежде занять его кресло.

В школу «А5» Топчиенко попал тоже случайно. Лекотт держал руку на пульсе и каждое новое лицо в одесской журналистике проверял на предмет пригодности для школы «А5».

Атмосферу разрядил главный редактор журнала «Южнорусский вестник» Андрей Ермаков. Стайка студенток, вившаяся вокруг него с первого дня, упорхнула на «Арт-мьюзик», так что он принял эстафету и превратил неудобную тему в пикап.

– Я прыгал не так много, как Алексей Андреевич, – сделал он реверанс в сторону Тихомирова, – Передо мной быстро стал выбор, какую из спецподготовок сделать профильной – парашютно-десантную, горную или подводную. Я предпочел горную, потому что парашютисты один раз переступают через страх, когда шагают за борт самолета, а альпинисты переступают через себя с каждым шагом.

Андрей переменял неуместную тему и дал Марии сигнал, что здесь есть еще кем восхищаться кроме Тихомирова.

– Мне сложнее всего дается первый контакт с аудиторией, – поделился Артем Симагин, – Вот когда найдешь первые заинтересованные глаза, тогда уже можно нормально работать, есть кому рассказывать.

– Это реальная проблема, даже в аудитории, которая пришла добровольно, трудно найти заинтересованного человека. Ну, если, конечно, речь не идет о национальной политике. Может мы что-то не так делаем? – Лекотт действительно болел за свою школу. Несмотря на то, что она больше была тусовкой, чем школой, он пытался сделать все максимально качественно – искал и приглашал кого только мог из практикующих журналистов, пытался предоставить ноутбуки, проектор, доски с маркерами, чтобы преподавателям было удобно оперировать своим материалом. Другое дело, что медиа-тренера приезжал скорее потусоваться или обкатать новый материал, нежели привозили готовые учебные курсы.

– Мы все так делаем, вернее не все, конечно, и не все так, – Ермаков умел на любую проблему взглянуть по-новому, что и было его коньком в журналистике, – дело не в том, что современная украинская молодежь не хочет ничему учиться, а в том, что они не знают, что это такое. Ни у кого нет приоритета образованности, эрудит – это не круто. Они никогда, ни в школе, ни в вузах, не получали знаний, они не знают этого ощущения наполненности пониманием, не знают, что они потеряли. Поэтому принимают развлечения за обучение.

– Отечественное информационно-образовательное пространство педалирует только одну тему – национального противостояния. Никто не говорит о том, что если ты хочешь принимать участие в политической жизни страны, то должен хорошо знать человеческую психологию, потому что как ни крути, а все исторически события происходили не от того, что были обусловлены объективными факторами, а проистекали из глубоко личностных комплексов и мотивов, понимать экономические законы, потому что перед тем, как требовать денег на молодежный проект, а проще говоря на потусоваться, нужно понимать откуда эти деньги возьмутся, ну и не грех знать историю хотя бы собственной страны, чтобы понимать, почему реформа «как в Европе» здесь не работает. Вот и получается, что пока владыки политического олимпа развлекаются драками и переделом собственности, в стране зреет нарыв из гремучего коктейля нищеты, глупости и ярости. Пока что это выражается в повышении популярности идей ультраправых партий, – Тихомиров весьма критически относился к русско-украинской националистической возне и несмотря на его официально прорусскую позицию, в частных разговорах было так сразу не понять, что у него есть своя сторона конфликта.

В среде компетентных журналистов самой распространенной позицией бывает критическое восприятие или даже высмеивание любых убеждений, однако ни украинскую журналистику вообще, ни тем более, тусню школы «А5» назвать компетентной было бы затруднительно. Поэтому высмеиваться и подвергаться сомнению могли любые ценности кроме независимости Украины и приоритета украинского языка.

– Я специально попросилась поехать на практику в Крым, – запоем рассказывала Маша, не разобравшись, с кем она имеет дело, – У меня просто огромный опыт развязанных и проигранных информационных войн! Я всех убеждала, я писала, что Крым должен быть укра-

инским, но там совершенно непробиваемые люди, они нуждаются в длительном воспитании украинскостью!

– Всевозможные ультраполитические партии традиционно противостоят центральной власти как таковой, – вмешался Тихомиров, – Потому что их главной целью является смена существующего строя, слишком жесткого или слишком мягкого, причем зависит это не столько от самого режима, сколько от левизны или правизны ультраполитиков. В уважающих себя государствах, наличествуют и ультраправые, и ультралевые группировки, которые борются с центральной властью и друг с другом одновременно. У нас же, ибо украинская душа – потемки, все ультрапартии смело можно отнести к ультраправым, то есть тяготеющим к жесткому государственному контролю за жизнью общества. Причем всех политических ультра довольно легко позиционировать географически – восток и запад. И не суть важно, как они называются на сегодняшний день. На смену Руху, КУНу, УНА-УНСО пришла ВО «Свобода». На смену РДУ, «За Русь единую!», ПСПУ пришел «Русский Блок». Перемена названия не меняет сущность ни на йоту, тем более что в ряды злокачественных ультраправых образований подтянулись все те же деятели. Поэтому можно смело именовать ультраправых украинствующих просто «западенцы», а ультраправых пророссийских – «схиднякы».

Украинская беда проходит по Днепру – левый берег хочет установить фашизм в своих интересах, а правый – в своих. Мы же, университеты и средства массовой информации, вместо того, чтобы работать в интересах развития всего государства, старательно углубляем трещину между мирами западенцев и схиднякив.

Во время круглого стола, один из студентов «А5», юноша по имени Иван, предложил Ермакову серию статей, в которых будет сформулировано видение украинской идеи и дальнейшего развития страны молодежью. И Ермаков не отказался. Вечером Тихомиров спросил его, зачем ему в «Южнорусском вестнике», имеющим сверхзадачей восстановление исторического единства русского и украинского народов, украинонационалистические статьи.

– Если нет денег на средства массовой информации, то наши действия – лучшая пропаганда. Как говорил апостол Павел, пусть христианин становится врачом, чтобы язычники, глядя на его милосердие, сами хотели становиться христианами. Я хочу сохранить роскошь быть объективным. Если он достойно напишет, я опубликую, даже зная, что я в принципе не согласен с тем, что он будет излагать.

Тихомиров с Настей вскоре исчезли из-за стола. Когда Андрей пошел к холодильнику за очередной бутылкой вермута, настин сарафан в подсолнухах висел на спинке стула, дверь в ванную была плотно закрыта, а за дверью слышался шум воды из душа.

Со дня знакомства в «А5» политолог Тихомиров стал постоянным автором ермаковского журнала «Южнорусский вестник». А когда Тихомиров пришел к выводу о неизбежности гражданской войны на Украине, то Ермаков стал одним из инструкторов центра тактико-специальной подготовки «Китеж».

Поздним вечером редактор отдела информационно-аналитических программ Саша Топчиенко прогуливался по дорожке между дачными домиками базы, занятой под проживание участников школы «А5». Рядом с ним шагал студент факультета журналистики Киевского Национального университета имени Шевченко Иван Иванов. Иван очень стеснялся своих предательски неукраинских имени и фамилии. Чувство чуждости украинской нации придавало ему сил в отстаивании ее идей. Сейчас он развивал Топчиенко проект цикла телепередач, в которых молодежь будет высказывать свои взгляды на национальную идею и свое видение будущего пути развития украинского государства. Двумя часами ранее он продвигал эту идею Андрею Ермакову и был воодушевлен тем, что тот не отказался.

Топчиенко не имел полномочий решать, что попадет в эфир Одесской облтелерадиокомпании, а что нет, но прямо отказать Ивану не решался и был вынужден ближе к полночи выслу-

шивать его захлебывающиеся аргументы в пользу украинского языка, развиваемые на русском языке.

Проходя мимо домика, в котором обосновались преподаватели «А5», они увидели в освещенном окне профиль Марии. Она стояла, прижавшись спиной к шкафу и глядя в пол что-то говорила. К ней неспешно подошел Ермаков, появившийся из глубины комнаты, вторгся в ее личное пространство, приблизил свое лицо к ее и принялся расстегивать блузку у нее на груди. Мария всплеснула руками, да так и осталась стоять, вроде как собираясь, но не находя сил его оттолкнуть. Топчиенко с Ивановым успели увидеть белые машины груди, выпавшие из лифчика, а потом Ермаков выключил свет.

Утром Марии в школе «А5» не оказалось.

– Что ты с ней такого делал, что она сбежала? – поинтересовалась Настя. На правах девушки Тихомирова она считала возможным задавать самые интимные вопросы.

– Ничего противоестественного, – отмел Ермаков ее подозрения, – все тоже самое, что я со всеми делаю.

– А почему тогда она сбежала, не оставив обратного адреса? – спросил Тихомиров.

– Потому что ей теперь мучительно стыдно, – ответила за Ермакова Настя, – Вы же видели, что девушка очень закомплексованна. Тем более, сначала она запала на Лешу, а потом дала Андрею. Теперь она очень стесняется, что отдалась первому встречному, к тому же не тому, которому хотела. Нормальный секс, мужчины, важнейшая составляющая психического здоровья. Когда он есть, это кажется естественным и не замечается. Как хорошее здоровье, о нем не думают, пока оно не беспокоит. Но когда секса нет... становятся молодыми политиками.

Настин вывод, неожиданный, но верный, Ермаков много раз вспоминал потом, и когда на Майдане горели спецназовцы, и когда обколотые наркотой «черные человечки» – группы «Правого сектора», одетые в черную форму, обстреливали позиции ополчения Донбасса стоя в полный рост и не обращая внимания на потери.

Дома Поручик поставил турку на плиту, выложил на стол оба пистолета и обе гранаты, и набрал Доброго.

– Как сам?

– Своим чередом.

Фразы были условлены заранее. Если бы Доброго повязали, он ответил бы: «Все путем».

– Давай, подъезжай.

Такой же разговор состоялся у него с Востоком, после чего Поручик выпил кофе, забрал гранаты с пистолетами, уложил их в разгрузку, которую носил под курткой, и вышел из дома.

Добрый и Восток не раз бывали у него и случись так, что за ними будет «хвост» или что-то вынудит любого из них предать, Поручик хотел наблюдать за этим со стороны. Он прошел до самого начала улицы дачного поселка, перелез через забор, забрался в пустую голубятню и улегся у смотровой щели, которую проделал заранее.

Восток пришел первым, взял ключ в почтовом ящике и вошел. Вскоре появился Добрый, который успел отогнать машину в село, спрятать в гараже и вернуться в Одессу ночным соседским мотороллером, груженном мешками картошки и курами в прицепе.

Выждав еще с полчаса, Поручик, так и не увидев никого лишнего, вернулся к себе. Восток и Добрый сидели на диване. Обнявшись с обоими партизанами, Поручик предложил: «Кофе?»

– Черный, две сахара, рюмку коньяку, – согласился Восток.

– Коллеги, – сказал Поручик, наливая кофе в большие чайные чашки, одну с петухами, другую с надписью «За ВДВ!», – Вы знаете мое мнение обо всем этом содоме – унылом мероприятии, называемому терактом. Я пригласил сюда вас двоих, как наиболее деятельных и думающих единомышленников, я бы больше сказал, как друзей. Я не утратил надежды убедить

вас, что здесь ничего серьезного совершить не удастся. Мне самому непонятна такая вялая, апатичная, не сказать еще хуже, позиция российской разведки. Я теряюсь в догадках, но пока ничего хорошего предположить не могу. Я предлагаю вам в последний раз – выезжайте в Крым, в Севастополе вас встретят, помогут перекантоваться и отправиться дальше – в Новороссию, на Донецк, кружным путем, через российскую границу.

– А ты сам?

– А я сам скоро подъеду по тому же адресу, но мне нужно чутка задержаться. Я хочу обеспечить себе возможность вернуться, если вдруг это еще не конец нашей деятельности на Украине. А для этого мне необходимо обеспечить себе алиби на все время пребывания в Донецке. Все необходимые контакты, как в Севастополе, так и в Донецке, у вас есть. Я хотел бы встретить вас в Донецке через неделю и уже воевать всерьез, а не размазывать кашу по тарелке, как здесь.

– Наши пошли сегодня ночью бить банкоматы и срывать борды.

– Боюсь, что они обречены на скорое и болезненное уничтожение. По-моему, глупо садиться на несколько лет в тюрьму ради сомнительного удовольствия разворотить банкомат «Приватбанка» или измазать портрет Тягнибока. Вы знаете, что я пытался убедить партизан в бессмысленности мелкохулиганских выходов, но их ненависти нужен выброс. Мы напрочь отрезаны от ресурсов – оружия, техники, взрывчатки, финансирования, документов. На кустарном уровне, как вышло у Востока с гранатометами, мы в два счета провалимся. Сколько угодно можно ругать украинскую милицию за лень, паскудство и недобросовестность, но они не могут раскрыть только то, чего раскрывать не хотят.

Так что, всех люблю, целую, обнимаю крепко, как говорят в американских боевиках, рад был служить с вами, ребята, надеюсь всех еще увидеть. За сим прощаюсь.

Но попрощались они не сразу. Сначала Поручик, вместе с Добрым, вернулись в село на разгруженном на Привозе мотороллере. Там Поручик пересел в автобус, следующий рейсом Одесса – Киев, чтобы не беспокоить участников плана «Перехват», прочесывающих вокзалы.

Гражданская война началась для Поручика 20 февраля 2014 года. Осознав и приняв этот факт, как свершившийся, Поручик почувствовал себя, как СССР после нападения Германии. Вроде ждали, вроде готовились, но думали, что еще не скоро, еще успеем... В итоге: оружия нет, снаряжение учебное, подготовка односторонняя, людей – кот наплакал.

– Если дело дойдет до уличных боев, то тут я – на коне, – размышлял Поручик, – Но до них еще дожить надо. Готовились воевать в любой точке мира, а не можем даже у себя дома. Знал же, что, не став хорошим пехотинцем, спецназовцем не станешь, но так хотелось поскорее по зданиям побегать, с высотным снаряжением поработать, из пистолета пострелять... Пострелял.

В своей пропаганде бандеровцы создали весьма привлекательный образ протестующего – молодой, красивый, два высших образования, хороший английский и фортепиано, с битой и в камуфляже. Такому нельзя не симпатизировать. Поручик был вынужден признаться, что к такому образу он стремился и сам. Нацисты переиграли русофилов организационно. Они заявили создание новой нации, а русофилы спорили и никак не могли определиться, русские они, малороссы или русскоговорящие украинцы? Укропы создали свой украинский миф, а русские своего не создали, запутавшись в оспаривании мифов о Великой Отечественной войне. Бандеровцы создавали нечто новое, чем и привлекли молодежь, а русские цеплялись за старое, как последние римляне. Укронационалисты призывали добиться лучшего одним броском и быть «за», а русские – терпеть и быть «против». Западенцы создавали свой украинский мир, а русские боролись против него вместо того, чтобы создавать свой русский мир. Украинцы атаковали, русские оборонялись, украинцы нападали, русские – искали примирения, западенцы навязали русским бой на своих условиях, теперь русские загнаны в угол. Но русские ответили. Не имея армии СМИ, владеющих умами, только делом можно было сорвать с нацистов

ту маску свободы, человеческого достоинства и уважения к личности, которую создали себе банды мародеров, грабящих труп своей страны.

А ведь началось все буквально из ничего. Кучка студентов грелась у костра на Майдане, якобы они протестовали. На самом деле, они тусовались, но, чтобы придать смысл своим посиделкам, они убеждали друг друга и самих себя, что таково выражение их активной гражданской позиции. Ментам, дежурившим на площади, они не очень-то и нужны были, мешали разве что разойтись по домам и спокойно лечь спать. И тут кто-то имеющий власть приказывать милиции, приказывает студентов гнать в три шеи. Менты есть менты, вчерашние гопники, надевшие погоны, не в состоянии общаться с гражданами иными способами кроме пинков и ругани, что протестующие студенты в полной мере и испытали на себе.

Все это так и осталось бы рядовым инцидентом и очередной затаенной обидой граждан на ментов, если бы уже не дежурили в ожидании, когда начнется оскорбление детей действием, солдаты информационной войны. Инцидент был в нужном ракурсе, с ноткой истерики, освещен, а главное освещен действительно массово, как и положено средствами массовой информации.

На следующий день на Майдан вышло полстраны. Кто не доехал до Киева, вышли на Майданы в своих городах. Или, по крайней мере, уткнулось в телевизоры, переживая. И тут такое началось...

Вот кого на Майдане было не жалко, так это мусоров. Ведь заслужили весь порыв народного гнева вылившийся на них. И на этом феерия ментовского ничтожества не закончилась. Несмотря на то, что юго-восток Украины поддержал «Беркут», нарек их последней опорой и спасителями страны, повез им на Майдан горячий чай и шерстяные носки, спустя два-три месяца, весь «Беркут», кроме крымчан и донецко-луганских, плюясь и чертыхаясь, исправно взял под козырек и начал служить тем, кто убивал их на Майдане. Новые господа, искусные в тонкой области подлости, потребовали от бывших беркутят вязки кровью и снова они послушно поехали на восток, убивать тех, кто поддержал их на Майдане.

– Когда я был маленьким, – думал Поручик, подъезжая к очередному блок-посту, – то, естественно, мечтал быть разведчиком. Я же думал, что будут спортивные машины, девушки-красавицы и костюмы от Версаче. Если бы тогда знать, что все будет так...

Во времена свободы слова, на Украине было около двух процентов реально упоротых укропов, искренне ненавидящих все русское. Это те самые два процента, которые поддерживали Ющенко в финале его провального правления. Теперь, после полугода войны против Русского мира, таких стало процентов тридцать. Во многом в этом оказалась виновата сама Россия, обещавшая, но не заступившаяся за своих – за русских, которых убивали только за то, что они русские и посмели этого не скрывать. Но еще 70 процентов жителей Украины оставались не прорусски настроенными, конечно, нет. Но антиукраински, это точно. В милиции и в армии, в больницах и на железной дороге, да даже в СБУ, оставались сотни потенциальных союзников донецкого восстания. Они не за Новороссию, но они тоже против нынешней украинской власти – власти плохо скрываемого нацизма. Единственное, пожалуй, где союзников было не найти – это в среде журналистов, чиновников и учителей. Им усиленно промывали мозги все 20 лет независимости, а тех, кому недопромыли, просто выжили.

Но вместо того, чтобы перерезать железнодорожные пути доставки техники и пополнений, уничтожать авиацию на земле, взрывать госпитали с карателями, партизаны выстрелили из гранатомета по пустому военкомату. В этой войне не одни укропы демонстрировали чудеса идиотизма.

Когда все это началось, многих не покидало ощущение нереальности происходящего. Градус абсурда настолько зашкаливал, что казалось, происходящее не сможет длиться долго. Вот-вот все развалится, закончится, кто-то же должен возопить о невероятности случаемого. Но оно продолжало случаться.

Глава 2. Гроза над Синевиром

Карпаты. Август, 2012 года.

– Друзья мои, чтобы противостоять украинскому шовинизму, а я так понимаю это главное, что объединяет участников Русского Движения Украины, нужно иметь что предложить в ответ – динамично развивающуюся русскую культуру. В нашем движении я пока что увидел постулаты «объединяемся с Россией», «геть Европу!», «бандеровцы – фашисты». Эти же лозунги до нас использовало множество других русских движений, течений, курултаев, но ничего большего, чем демонстрацию недовольства достичь никто из них не смог. Хотим ли мы создать еще одно движение вечнонедовольных приподъездных бабушек? Эти лозунги способны привлечь только тех, кому за 50. Потому что молодым людям нужно материальное подтверждение истинности ваших убеждений. Лозунг украинствующих «движение в ЕС» он чем хорош? Тем, что всем и каждому известно, что в Европе сытно и безопасно, там права человека. А движение в РФ чем хорошо? Там такая же непроглядь, как и у нас. Нет ответа, зачем нам в Россию.

Так говорил Алексей Тихомиров вечером у жарко пылающего в густой тьме осенней ночи костра.

– Русская культура современности настолько обнищала и настолько скомпрометирована, что говорить нужно, прежде всего, о воспитании качественного человека, а не о пропаганде Русского мира в массах. Качественного человека, для которого целью жизни будет духовное, моральное и физическое совершенствование. А смыслом жизни – Христос. Иначе самосовершенствование быстро вырождается в голое самолюбование. Не нужно вдаваться в пустые споры о том, существует или нет украинская нация. Нужно чтобы украинцы вновь захотели стать русскими. Мы могли бы обострять противостояние с украинствующими, если бы имели что им противопоставить. Пока что мы наблюдаем иное. Все, что русские противопоставляют украинцам, это советское, кроме веры и войны.

Вереница национальных конфликтов на Кавказе дала не только украинских наемников УНА-УНСО, она дала настоящих национальных русских героев, настоящесть подвига которых не нуждается в доказательствах. Сферами развития русского влияния на Украине должны быть религия, образование и военное дело. Это ведь и есть основные составляющие понятия «русская культура», или, наверное, более точным было бы назвать их не основными, а необходимыми. Ведь в условиях полнейшего краха культуры как таковой, эти три столпа уцелели, устояли, а в случае с верой и войной – укрепились качественно настолько, как и мечтать было нельзя. Вера и война – это те понятия, которые горнило несчастий только укрепляют.

Карпаты – серьезные, взрослые горы, где водятся настоящие хищники – волки и медведи, по ночам там холодно, так что неэкипированный человек вполне может замерзнуть, а до ближайшего человеческого жилья может быть настолько далеко, что не дойти за дневной переход. Ивана, несмотря на его явные националистические закидоны, взяли с собой в первый горный рейд «Китежа». Его не пытались перековать, согласно ермаковскому постулату «лучшая пропаганда – наша работа», просто Тихомиров сам не понимал, чего он хочет добиться, поэтому подтягивал к движению всех, интересующихся военно-спортивной деятельностью. Так в карпатском рейде «Китежа» оказались представитель православного и русофильского Запорожского казачества Никита, представитель украинствующей интеллигенции Иван, убежденные русские патриоты Тихомиров и Ермаков, изнывающие от нереализованности и просто интересующиеся всем в силу своего возраста Настя и Настя, которые соответственно были любовницами Тихомирова и Ермакова, а также случайно приблудившиеся подростки Егор, Артем и еще один Никита. На Ивана Карпаты произвели неизгладимое впечатление, сравнимое разве

что с первым уездом из дома. Ему сразу стало понятно, почему бандеровская партизанщина укрывалась именно в Карпатах. Горы – приют свободных.

– Война безусловно будет, – ранним утром Тихомиров с Ермаковым сидели на берегу одного из бесчисленных карпатских ручьев. «Китеж» заблудился в низкой густой поросли елок, настолько частой, что сквозь них было не прорваться. Время было позднее, так что ночевать решили прямо здесь. Солнце, осветившее склон горы, сплошняком заросший елочным молодняком, встало в четыре утра, перебудив всех. Теперь китежане завтракали, вяло потягиваясь и зябко поеживаясь. А Тихомиров рассуждал, потому что Ермаков хотя и открыл глаза, но еще не проснулся. Павла видимо беспокоила эта тема и требовалось высказаться, потому что сомнамбулическое состояние Ермакова не мешало ему вещать.

– Насколько я могу судить, война будет в Крыму – это наиболее вероятный район. Могут доверить проливание первой крови крымским татарам, которые сейчас основной оплот украинства в Крыму. Среди татар сильно влияние как чеченской диаспоры – бежавших после войны боевиков, так и турецкое – окормляющее создание единого мирового исламского халифата. Могут поступить по сценарию бархатных революций. Кто-нибудь из свидомых патриотов переодеется в шапку-ушанку и косоворотку и убьет балалайкой беременную татарку. На месте преступления «потеряет» деревянную ложку, расписанную под хохлому. Не в этом суть, способ развязать войну найдется. Не так уж давно безумная старуха украинского политикума Фарион требовала распределять студентов с западной Украины в Крым, чтобы окультурировать русифицированное население. А вот поди ж ты, уже года три как в Крым активно едут, не по распределению, а по собственной воле, такие как Мария, украинские активисты. Никого они там «окультурировать», конечно, не могут. Просто закатывают пару-тройку скандалов на националистической почве, заводят контакты в среде крымско-татарских националистов и уезжают, увозя свои оскорбленные чувства из-за крымско-русской нелюбви к неньке.

Неизбежность гражданской войны вытекает из того, что она необходима Украине. Ей необходимо вписать в государственное мифотворчество победоносную войну. Такая война станет базисом, полноценным фундаментом для дальнейшего формирования Украины для украинцев. Война за независимость, революция, война за выживание – необходимое условие для рождения и роста любого полноценного государства, не говоря уже о нации. Как ни крути, а вхождение в историю, как роды, должно быть полито кровью. Иначе это не работает. Сейчас украинская пропаганда строит на песке, поэтому у них все и расплзается по швам.

Независимость Украины не была завоевана, она была подарена. Сколь бы ни был велик вклад «шестидесятников» в развал Советского Союза, не их деятельность стала ключом к независимости, а сговор трех вороватых политиков, ни один из которых и не планировал строить независимую страну. В данном случае ими, как и всеми нами, руководил банальный товарный голод. Всем так хотелось джинсов и видеомаягнитофонов, что это вождение затмило всякое стратегическое мышление. Белые кроссовки и двухкассетник «Шарп» были нужны прямо сейчас, а не в перспективе. Именно так нищий, выигравший в лотерею, проматывает деньги, которыми мог бы обеспечить себя на всю жизнь. У бедных нет осознания крупных сумм. Потерять десятку – страшно, а миллион – легко. Его словно и не было никогда, настолько эта сумма нереальна. Если бы в 1991 году каждому предложили поделить дом на три части, никакого развала бы не было. А страну делить было легко, потому что непредставимо.

Окончательно проснувшийся Ермаков принес два каремата, на которых устроились все. Андрей умел в любых условиях устраиваться с комфортом. Андрей и Алексей сидели, упираясь спинами, Настя прилегла, положив голову Тихомирову на колени. Остальные тоже уместились частично вповалку, частично сидя. Вооружившись термкружками, они пили кофе.

Ермаков проморгался, глядя на холодное восходящее солнце и поглаживая Настю по голове, сказал: «В психике человека есть довольно много факторов, которые работают не так, как нам бы хотелось. Один из самых существенных – ложь. Ложь – противоестественна,

поэтому ни один человек не может солгать, не выдав себя психофизиологическими реакциями. К нам приезжал с семинаром сотрудник одного из спецучреждений, учившийся в Харькове по профилю психиатрия. Это оператор детектора лжи, он приезжал по линии МВД, но нам дали возможность пообщаться. Одним из вводных упражнений был тест заведомой лжи. Курсант садился напротив тренера и должен был на все вопросы отвечать отрицательно. Тренер задавал два-три простых вопроса, правдивый ответ на которые, был «нет». А потом спрашивал: «Вас зовут...» и называл настоящее имя курсанта. Никто не сумел толком солгать. Одни кивали, отвечая «нет». Другие делали паузу, собираясь с мыслями, перед тем, как солгать. Третьи, силой воли удерживая голову от кивка, все же совершали некий полупоклон, сгибая весь корпус. Тело испытуемого всегда стремилось говорить правду, выдавая с головой своего лгущего хозяина.

Сколько бы украинская пропаганда не твердила, что ОУН-УПА воевали против нацистов также, как и против большевиков, все, чего им удалось добиться – это раздвоение украинского сознания. Они твердят, что воевали против нацизма, но тут же поднимают флаг со свастикой. Причем верят и в то, и в другое. Вот эта их особенность действительно беспокоит, потому что это уже не вопрос понимания истории, а вопрос к психиатру. Как земля выталкивает инородные предметы, так и ложь, в конечном итоге, отторгается, как хвост пришитый вместо головы».

На Говерлу китежане поднимались из Львовской области. Еще можно было подняться из Закарпатья, другим маршрутом, но с этой стороны подъем был короче, а подъезды удобнее. Разгрузки надели уже внизу, только выйдя из автобуса. Оружие несли в рюкзаках, пока не углубились в лес. Мерно шагая в гору и обливаясь потом, Ермаков развивал теорию войны в Крыму.

– Крым – единственная территория, где действительно сильны позиции русских. Там и будет весь замес. Причем замес будет страшным. Все усугубляется наличием подходящей для партизанской и диверсионной войны местности – горно-лесистой, а также татарского населения, которое вступит сначала на стороне Украины, чтобы беспрепятственно вырезать русские семьи в селах и курортных городах, а потом начнет тянуть одеяло на себя, требуя создания независимого исламского государства под протекторатом Турции. Во всяком случае, это самый простой и понятный сценарий, лежащий на поверхности.

В первые же недели единственные крупные города Крыма – Симферополь и Севастополь, окажутся отрезанными друг от друга, а Симферополь еще и полностью заблокированным. Прокатившаяся волна погромов и резни русских останется незамеченной мировой общественностью, потому что это ж русские, их можно. А дальше начнется затяжная фаза рейдов и засад в горной гряде южного побережья Крыма, где схлестнутся обозленные русские партизаны, местечковые татарские отряды и регулярная армия Украины. Чем все это закончится, я предсказывать не берусь, поскольку для реалистичного политического прогноза нужно оперировать реальными данными, а не предположительными. Безусловно многое будет зависеть от вмешательства и степени вмешательства России и Турции. Зависеть от того, на какую степень обострения позволят Украине пойти ее контролеры из США и Евросоюза. Они же будут придерживать или науськивать турков. Но все это уже будет зависеть от конкретной ситуации в мире. А нам пока стоит готовиться к войне в горах, вернее, в горно-лесистой местности. Крым, по альпинистской классификации, это все-таки не горы, а плоскогорье.

– А никак нельзя этого избежать? Мне и так нравится, все со всеми спорят, но никто не дерется. Может ну ее эту войну, а? – предложила Настя.

– Мы могли бы найти общий язык, если бы хоть кто-нибудь был заинтересован интересами государства, а не ласканием личных обид и натиранием ран солью, – вздохнул Тихомиров, – Но, поскольку ничего этого невозможно, то будет война. К ней мы и будем готовиться.

Карпатские и крымские рейды должны были подготовить китежан к действиям на наиболее вероятных театрах военных действий. В случае, если бы Крым объявил о присоединении к

России, «Китеж» выступил бы на стороне Крыма. Если бы территории западной Украины объявили о вхождении в состав Венгрии, Румынии или Польши, «Китеж» так и не определился, за кого стал бы воевать в таком случае, но такой вариант развития событий всерьез и не рассматривался.

Война, к которой готовились в горах и городах, среди ущелий и многоэтажной застройки, разразилась в стране степей и терриконов, где самая высокая гора – холм искусственной насыпки, а самый высокий дом – два этажа.

Иван-Тарас

Родителей я помню плохо. Скорее не помню совсем. Они погибли в ДТП, когда я был совсем маленьким. Отец сел за руль пьяным и вылетел с дороги. Год после их гибели, как раз год перед школой, прошел для меня в какой-то густой тьме.

На воспитание меня отдали бабушке. Так я оказался в глухом черниговском селе Вересочь. Кроме красивого названия в селе больше ничего хорошего не было. Может быть, я отношусь к нему предвзято, все-таки у нас была замусоренная степь и заброшенные поля, зимой снег по колено, а летом – узенькая речка, заросшая камышом и дискотека в школе. Но для меня вся деревенская романтика была затуманена шемящим чувством одиночества.

Однажды зимой я катался на санках. Ну как катался... Шел вдоль реки с санками на веревочке пока не дошел до леса километрах в пяти от дома. Лес был не таким уж большим, но увязая в снегу по колено я шел вдаль от дома, смотрел в темнеющее небо с высypавшими звездами и вдруг отчетливо понял, кем я хочу быть и чем хочу заниматься. Хочу путешествовать. Не столько от того, что хочу увидеть другие страны, сколько потому, что мне доставляет наслаждение процесс движения, состояние странствия. В пути я чувствовал уверенность в себе, чувствовал себя на своем месте. Мне было хорошо, легко и просто – просто идти. И еще, путешествуя, я мог уйти из дома в селе Вересочь.

Двери в бабушкином доме солидно скрипели, а на пружинных кроватях подушки лежали такими высокими пирамидами, что нечего было и думать сесть на кровать. Родительскую квартиру забрали, так как это было служебное жилье. Осиротевшему сыну украинского офицера досталось только дурацкое русское имя – Иван. Меня угнетало все. Бабушкины заботы покушал я или не покушал. Ее слезы при виде пенсии завернутой в платочек. Входя в калитку, я внутренне сжимался в комок несчастий.

В младших классах я открыл для себя существование библиотеки. Сначала школьной, а потом сельской. Сельская библиотека находилась в длинном пакгаузе вместе с сельпо и почтой. На рассохшемся деревянном столе в помещении почты стояла чернильница-непроливайка и перьевая ручка. Фиолетовые чернила впитывались в клетчатые странички тетради. Так я открыл для себя таинство письменного слова. Макаль перо в чернила, сушить страничку после написанного. В этом было настоящее искусство создания слов. Этим мое образование, в сущности, и завершилось. Слова «косинус» или «параллелограмм» значили для меня не больше, чем инопланетный язык.

Десять лет в школе прошли для меня каким-то неясным мороком, но родительская смерть неожиданно принесла пользу. На журфак Шевченковского университета меня приняли по сиротской квоте. Экзамены я нипочем бы не сдал.

Бабушка умерла, когда я учился на первом курсе. Смерть ее прошла для меня незаметно. На похоронах я не был и дом видел с тех пор только раз. Крыша начала проваливаться и поросла мхом.

Желание путешествовать тоже сжалось во мне в комок вместе с остальными желаниями. Я не знал, как мне начать что-то делать. Мне просто хотелось. Наверное, еще и поэтому я решил стать журналистом. Я хотел стать журналистом, чтобы рассказать всем... обо всем. Чтобы каждая обида, нанесенная властью, не осталась безымянной, чтобы старушки, у которых отняли последнее, не плакали в одиночестве. Ну и кроме того, журналисты везде ездят и много видят всякого разного, считай путешествуют.

Один из студентов филфака КНУ, по имени Егор, выпускал газету «Универ». Ее четыре странички верстали в пейджмейкере и распечатывали на принтере тиражом не менее 10 экземпляров. К массовому читателю газета попадала, когда Егор вывешивал ее на университетской

доске объявлений. В первых номерах газеты была исключительно полезная информация – путеводитель по университету. Где находится буфет и где искать туалет, и где какая кафедра. Но это было сделано здорово и очень понятно. Я даже некоторое время хранил эту газету, стыренную мною с доски объявлений. Но даже из-за этого с Егором провели разъяснительную беседу в деканате о том, что нельзя выпускать газету, если она не зарегистрирована в министерстве юстиции. Наши профессора, на парах воспевавшие независимость, демократичность и свободолюбие украинского народа, были настолько испуганы одной только возможностью вмешательства всемогущей руки прокуратуры, что считали опасным даже выпуск путеводителя по университету в 10 экземплярах.

Егор свою деятельность не прекратил. Напротив, мы с ним вместе написали статью о том, что в столовой продают булочки из непропеченного теста, а в гардеробе не хватает крючков для одежды. Если бы мы забросали ректора тухлыми яйцами, думаю, шума было бы меньше. Седовласый проректор с большой головой и красными глазками пьющего человека, в ультимативной форме потребовал закрытия газеты под угрозой отчисления. Мы не знали, как отстоять свою свободу слова. «Универу» пришлось закрыться. Универ потерял в моих глазах половину своей привлекательности. За каждой фразой о гражданском долге и необходимости идти на выборы сквозила ложь и трусость маленького человека, которого могут лишиться кафедры.

Спустя пять дней Егор принес мне газету «А5», которая выпускалась в Одесском университете, в которой было напечатано объявление о проводимой в Одессе школе журналистики «А5». Дождавшись лета, мы поехали в Одессу, учиться отстаивать свои права.

Дачный пригород Одессы Каролино-Бугас встретил нас синим морем и радушными объятиями. Администратор школы девушка Настя так нежно и чувственно обняла меня, что я растерялся, почувствовав ее груди на своей груди. На первой же лекции, которая проходила в летнем кинотеатре под шелест листвы и книжных страниц, политолог Алексей Андреевич Тихомиров, характеризуя оппозицию современной Украины, сказал фразу, которая перевернула мой мир. Он сказал: «Это вирус, который способен только воспроизводить сам себя». Ему тут же возразили из аудитории, что существующая власть – еще хуже, на что он ответил так, как никогда не отважился бы никто из наших преподавателей.

– Власть «бело-голубых» на Украине – власть феодальная, заинтересованная в сборе дани путем правового произвола, а власть «оранжевых» – власть живодеров, стремящихся сорвать шкуру с лошади, несмотря на то, что она после этого погибнет.

После лекции я попытался подойти к Насте, но она так же сиятельно улыбнулась мне и упорхнула к Тихомирову. Мне было неприятно смотреть, как она влюблено смотрит на него снизу-вверх, так что вот-вот сарафан сам свалится с нее. Вскоре я познакомился с главным редактором одесского журнала Андреем Ермаковым. Он показался мне очень непосредственным и не таким заумным, как Тихомиров. С Ермаковым мы сошлись накоротке, я набрался храбрости и спросил, опубликует ли он серию статей, в которой будет сформулировано видение государственного устройства Украины молодежью? Даже не знаю, чего мне больше хотелось, донести это до других или понять самому.

Поздним вечером, прогуливаясь в попытке познакомиться с кем-нибудь, я увидел, как Ермаков в палисаднике отрабатывает борцовские приемы на дереве. Он держался за ствол дерева и перехватывая руками и переступая, подходил и подворачивался то справа, то слева, выполнял подножки и подсечки. Я спросил его, чем он занимается и зачем ему эта борьба, а он доброжелательно улыбнулся и ответил, что это джиу-джитсу и что свобода слова нуждается в защите делом. По-моему, Ермаков ощущал какую-то неудовлетворенность собой, потому что всегда был готов поделиться тем, что знал и умел.

– А может нам поставить физическое насилие не только на защиту свободы слова, но и на защиту украинского народа? – прямо спросил я тогда, опьяненный свободомыслием студенческих газет.

– Сейчас мы говорим уже о государственном перевороте. Мысль неплохая, но для этого нужно быть готовым возглавить отряды шпаны, пройти по домам чиновников, избивать их детей и размазывать кошек по стенам. Я бы этого не хотел. А ты?

Вскоре после Одессы мы поехали в Карпаты. Я хотел прикоснуться к настоящему, к украинскому. Егору просто было нечего делать. На хребте над озером Синевир, мы попали в грозу. Палатки разбили так, чтобы они стояли по кругу, входами друг к другу, а над центром натянули тент, так что войти и выйти из палатки можно было относительно сухим. Выходить под ливень никому не хотелось, все сидели по домикам под разрывающимися над головами молниями. В соседних палатках возились и целовались. Но мне были нужны не сухость, сытость и уют. Я хотел видеть грозу. Я одолжил у Андрея его кинжал – длинный, черный с эластроновой рукояткой. Таким не рубят дрова и не открывают консервы, таким только убивают людей. Сказал, что нужно отрубить мешающую ветку и вышел под дождь. Я стоял на хребте над ущельем, под ногами разливались черные тучи, электрическая сетка молний не прекращалась ни на минуту, буквально окутывая воздух вокруг меня. Я поднял руку с кинжалом вверх, я хотел, чтобы в меня ударила молния, мне была нужна гроза.

Вернувшись и отжимая куртку, я сказал Егору: «Они там в городах слишком много болтают. Нам нужно вернуться к истокам украинства, сюда в Карпаты. Собрать повстанческий отряд, уйти в горы, как делали Шухевич и Бандера и отсюда диктовать волю украинского народа этим продажным тварям».

Когда зимой 2013 года Украина вышла на Майдан, я был в числе первых. Мы шли диктовать свою волю этим продажным тварям. Когда на Майдане стали набирать добровольцев для отражения российской агрессии на востоке, я не колебался. Мы уже знали, на каком языке нужно разговаривать с бандитами.

В разгар боев на Майдане я встретил там Ермакова, Тихомирова и еще одного с ними, которого не знал. Самооборона Майдана чуть было не приняла их за ментов, но я-то знал, кто они такие. К слову сказать, они действительно смахивали на зондеркоманду. Все в черном, в бронежилетах, в берцах и перчатках, в масках, в черных омововских касках, из подсушков разгрузок торчат рукоятки травматических пистолетов. Признаться, у меня всколыхнулось радостное чувство, что они с нами. Но эти трое потоптались какое-то время, повернулись и ушли. Конечно, нас было много и без них, но ощущение предательства не покидало меня еще долго. Такую обиду мне нанес отец, когда сел за руль пьяным.

Так что я не был особенно удивлен, когда, очнувшись после ранения на полу УАЗа, увидел над собой Ермакова, стоявшего за пулеметом. На погоне у него развевалась Георгиевская ленточка. Так я попал в плен.

Глава 3. Война детей

Киев. Начало сентября 2014 г.

– Я предлагаю больше, чем давать репортажи с линии фронта. Я предлагаю давать их из логова сепаратистов, из самого Донецка.

– Такие уже есть. «Плюсы» снимали на фоне аэропорта.

– Да, но они снимали не для тебя и не для «Украины сегодня».

– Не могу обещать, что материалы не будут строго редактироваться. Тем более, учитывая твои взгляды.

– Дружище, когда мы ездили с Ющенко на Говерлу, я что тебя подвел? Или в американском посольстве кидался ботинками? Какими бы ни были мои взгляды, как журналист я остаюсь объективным.

– Сейчас не до объективности, идет война.

– Да ладно, с момента создания газеты было понятно, что «УС» – солдаты информационной войны.

– Все, что ты напишешь, будет строго отредактировано.

– Саш, скажи уже прямо, что в редакции введена жесткая самоцензура военного времени. Давай так – я поеду, а ты уже по факту посмотришь на состоятельность моих материалов. Я же не прошу меня финансировать. Поеду фрилансером.

– Ну, поедешь ты по любому за счет газеты.

Такой диалог состоялся между бывшим главным редактором местечкового малозначительного журнала «Южнорусский вестник» Андреем Ермаковым и действующим выпускающим редактором всеукраинской газеты «Украина сегодня» Александром Топчиенко. Ермакову кровь из носу нужно было обеспечить легальное прикрытие своей поездки на сепаратистский Донбасс. Понимая, что всей его агентурной работе пришел конец, он все же цеплялся за последнюю ниточку надежды, что может быть еще удастся эту работу продолжить и хотел обеспечить себе алиби и возможность вернуться. Кроме того, он обоснованно опасался, что уже провален и на границе или по дороге к границе его примут. Редакционное задание совершенно не спасало в таком случае, но давало шанс, возможность маневра, сбить с толку, запутать, внести секундную растерянность в работу группы задержания, а потом открыть огонь, вывернуться, забросать гранатами и окончательно уйти на нелегальное положение, но уйти живым и, что немаловажно, свободным.

«Украина сегодня» искренне гордилась тем, что была ровесницей Майдана. Газета, как истинная революционерка, появилась из ниоткуда и те, кто был ничем, вдруг стали всем. Владелец небольшой типографии, много лет боровшийся за место под солнцем на полиграфическом рынке независимой Украины, в одночасье стал учредителем толстой полноцветной всеукраинской газеты с миллионным бюджетом. До сих пор он соревновался с другими типографиями за качество печати и доступность цены, давал откаты начальникам отделов, заведовавших вопросами печати в государственных учреждениях, чтобы буклеты и отчеты печатались в его типографии, заносил конверты в правильные кабинеты, чтобы его не беспокоили пожарные и санэпидемстанция, но ему казалось этого мало. Вячеслав хотел управлять страной. Он считал, что достоин этого и сможет справиться лучше других.

Начав с торговли болгарским кетчупом в 90-х, Слава быстро переориентировался на растущий рынок полиграфических услуг. Тогда умопомрачительное впечатление на совершенно диких граждан бывшего СССР произвели копировальные машины «Ксерокс». Оказалось, что скопировать любой документ или даже книгу проще простого и не нужно вечером под настольной лампой второпях переписывать от руки взятую до утра книжечку «Белая магия». Такой

умный оказался не он один и копирующие пункты вскоре стояли на каждом углу. Слава кооперировался со своими конкурентами, чтобы выжить на этом рынке. В течение следующих пяти лет все мелкие частные предприниматели, имевшие один-два копира, либо разорились, либо нашли более доходное дело. Кто-то занялся ремонтом, а кто-то торговлей этими самыми копирами. Слава тоже не задержался в этом бизнесе, но ушел из него по своей воле. Он видел бурно развивающиеся средства массовой информации и решил влиться в их ряды, но не газетчиком, а издателем. Сначала приобретенная им типография печатала чуть ли не все оппозиционные издания, но очень скоро каждое из них залезало в долги, переставало платить и разорялось. А правительственные издания не хотели иметь дело с «оппозиционной» типографией. Тогда Слава сделал ставку на качество и полноцвет. Вскоре он печатал все фотоальбомы с выставок художников, рекламные проспекты и несколько успешных цветных журналов. Жизнь налаживалась, но Вячеславу Сергеевичу уже хотелось большего. Он понял, что в средства массовой информации зашел не с той стороны. Он привык оперировать формулой товар – деньги – товар и не сразу понял, что в СМИ торгуют воздухом и деньги появляются не в обмен на материальные продукты, а как плата за электрические импульсы мозга, за мысли, облеченные в слова. Ему очень понравилась возможность получать деньги из ничего. Кроме того, Слава пока еще убеждал себя, что его интересуют только деньги, но в глубине души уже вскипала новая тайная страсть – власть. Ему хотелось править, управлять этой страной, в которой было так много гнусностей, которые он хотел исправить.

Однажды, после совместных посиделок с тружениками пера и фотоаппарата – обмывали успешную печать номера делового журнала, Слава взял и поддался импульсу – подал документы на регистрацию газеты «Украина сегодня». Получив печать, он первым делом напечатал себе редакционное удостоверение, визитки и блокнот с логотипом – перо в обрамлении венка с лентами и надписью: «Украина сегодня». Экипированный таким образом, он подал заявку на семинар для СМИ по предвыборным технологиям, проходивший в Варшаве. Дорогу и проживание участникам оплачивали организаторы Национальное агентство Польши Erasmus, Министерство национального образования Республики Польша, Ресурсный центр SALTO и агентство США по международному развитию.

На семинаре Слава почувствовал себя неловко. Он был существенно старше всех остальных, у него не было ни журналистского образования, ни опыта журналистской работы. Более того, он представлял газету, не напечатавшую ни одной статьи, а существующую исключительно в виде регистрационных документов и удостоверения. Но он был состоятельным человеком, владельцем типографии, представителем среднего класса, который считал себя основным ресурсом Украины, солью ее земли и в Варшаве ему сделали предложение, от которого он не мог отказаться.

Вернувшись домой, на Украину, Вячеслав Сергеевич арендовал дополнительно пять комнат в том же бизнес-центре, где находилась его типография, напечатал и оплатил размещение на биллбордах рекламных плакатов «Украина сегодня» – только проверенные факты» и объявил конкурс на замещение вакантных должностей главного и выпускающего редакторов, корректора, секретаря, редакторов отделов, корреспондентов и фотокорреспондентов, бильд-редактора, а также верстальщиков, дизайнеров и менеджеров по рекламе. Народу набежало немеряно. И практически все выбежали обратно, потому что основным требованием к кандидатам было никогда ранее не работать в СМИ. Абсолютным приоритетом пользовались молодые специалисты – выпускники профильных вузов с дипломами журналистов. И тут такое началось...

Журналисты понятия не имели, что происходит в стране. На планерке никто не мог предложить сколько-нибудь актуальной темы. Интервью брали друг у друга, потому что не знали, где искать интервьюируемых и о чем с ними говорить. Предлагаемые материалы были испещрены не только фактологическими, но и грамматическими ошибками, которые не заметила

корректор. Время шло, процесс не двигался, деньги на содержание газеты утекали. Вячеслав Сергеевич понял, что снова совершил ошибку, став тем, кто платит деньги за воздух, а не тем, кто их получает. Но он не собирался отступить и обратился за помощью к тем самым «профессионалам Януковича», которых собирался подвергнуть остракизму. Так в редакции появились директор Светлана Николаевна, муж которой был полковником и главой пресс-центра МВД и Александр Витальевич, который год назад перешел из пресс-центра Одесской облгосадминистрации на Национальный правительственный канал УТ-1. «Враги» более-менее навели порядок в редакции. Редакционные задания теперь спускались сверху, от журналистов требовалось их выполнять качественно и в срок, каждому корреспонденту выдали цифровой фотоаппарат и мопед, а именовать их стали мультижурналисты. Мультижурналисты разъезжали по городу, снимали видео и выкладывали на сайт газеты, а для бумажной версии клепали какую-то жалкую пародию на новость об аварии, обрушении, столкновении или незаконной торговле.

Над газетой все еще открыто смеялись, но бесплатное распространение, большой тираж и большой рекламный отдел делали свое дело – у «Украины сегодня» появились первые крупные рекламодатели. Газета еще не вышла в ноль, но уже приносила не такие большие убытки. И тут грохнул Майдан, материала оказалось вволюшку, проверять факты больше никто не собирался, лишь бы факты были против власти, на грамматику тоже плюнули, тем более, что «Украина сегодня» выходила исключительно на национальном, государственном, украинском языке.

Когда Александр Витальевич сообщил, что необходимо прибыть на редакционный кулуар, Андрей Ермаков отнесся к этому, как к неприятной, но неизбежной необходимости. Он много раз замечал, как трудно остаться новому человеку незамеченным в незнакомом коллективе. Это только ты думаешь, что никому не интересен и тихонько сидишь в уголке, а окружающие оказывается уже полчаса, как о тебе языки чешут. С одной стороны, Андрею не хотелось, чтобы его видело такое количество людей. С другой стороны, поездка в Новороссию дело уже решенное и объясняться еще раз, еще раз, еще много-много раз с директором, главным редактором, выпускающим редактором, администратором, менеджером, и Бог знает с кем еще, которым на самом деле все это как зайцу стоп-сигнал, ему совершенно не улыбалось. И, наконец, что самое существенное, на заседаниях у Ермакова срабатывал рефлекс – он засыпал. Это был его основной приобретенный в СМИ навык. Открыл Устав – заснул, пришел на заседание – заснул.

На психологических тренингах в спецназе МВД, инструктор учил, входя в незнакомую аудиторию, уделять мгновенное внимание не всем, а каждому. Так хороший лектор устанавливает контакт не со всеми в аудитории, а с несколькими, к которым он и обращается по очереди в ходе рассказа. Причем это будут те студенты, с которыми сразу произошел взаимный зрительный контакт.

Вот и легкость вхождения в новый коллектив зависит от зрительного контакта – взгляд должен быть в глаза каждому. Мужчинам – спокойный и уверенный, женщинам – приветливый, можно заинтересованный, с намеком на улыбку. Взгляд должен длиться одно мгновение – ровно столько, чтобы тот, кто что-то скрывает, понял, что он под подозрением, кто склонен конфликтовать – что получит отпор, а девушки – обязательную порцию внимания.

Правда, тот же инструктор потом делал замечание: «Не надо смотреть так, словно ты сейчас всех мужиков убьешь, а баб изнасилуешь». Так что легкость вхождения в новый коллектив не была сильной стороной Ермакова.

Как и положено стартапу, в большом зале стояло множество столов, за которыми, на которых и рядом с которыми сидели, стояли, болтали о своем, смеялись и пили свой бесконечный кофе профессиональные бездельники, в рамках всемирного заговора получившие название журналистов, пиарщиков, копирайтеров и мультижурналистов. Все они были столь заняты своей ролью в управлении мировым порядком, что теория зрительного контакта тут же полетела к чертям собачьим.

Лавируя между кучками героев современности, Александр Витальевич представил Ермакова поношенной блондинке-директору, которая замахала на них головой: «Хорошо-хорошо». Потом она попыталась привлечь внимание аудитории, захлопав в ладоши характерным жестом учителя начальных классов, хотя за спиной у нее и висел диплом управленца Ягелонского университета.

Лучшее, что способна журналистика дать человеку, это умение четко формулировать и связно излагать мысли, как свои, так и чужие. Как только этому научишься, нужно бросать, так как денег там нет, а паскудства много. Другое дело, что, проработав несколько лет в этой сфере, ты начинаешь понимать, что ничего другого не умеешь, да и не хочешь делать. Это же здорово – не иметь жесткого графика, шарашиться по всяким веселым мероприятиям, а на скучных заседаниях ржать вместе с друзьями. Можно пить на работе. Можно встать и посреди рабочего дня уйти из кабинета, сказав: «Мне нужно развеяться». Опаздывать со сдачей материала – это абсолютная норма, тебя за это будут ругать, но это не является поводом для увольнения.

Но пьянки на работе – удел средних умов. Соблазн журналистики в другом. Это ощущение себя стоящим над миром третейским судьей, который прозрел все хитросплетения человеческих ухищрений, все понял и вынес решение – осудить или оправдать. И хотя в глубине души журналист понимает, что вынесенное им решение равным счетом ничего не значит, никто не может знать, где наше слово отзовется.

И еще, журналисты лишены способности серьезно относиться к происходящему. Поскольку они лишены возможности реально на что-то влиять, весь мир выглядит для них, как квест, в котором ничто не имеет настоящего значения. Тем не менее, потасканная блондинка Света, оказавшаяся в кресле директора за неимением лучшего, сумела удивить даже циника Ермакова. Планерку она окончила громким криком: «Кто хочет поехать в Донецк?!» тем самым поставив крест на секретности всей операции. Руки подняли двое, видимо попутавшие поездку через линию фронта в тыл к террористам-сепаратистам с походом в кино. Молодой полнеющий сноб с выражением снисходительного презрения к окружающим опустил руку после директорского окрика: «Сережа, ты своими машинами занимайся!» А рыженькая девочка продолжала тянуть ладошку и даже левую руку под локоть подставила – неизживаемая школьная привычка.

Второй участник миссии в мятежном Донцке в планы Ермакова совершенно не входил. Но, ни директор, ни редактор «Украины сегодня» не подумали, что такого рода поездку нужно планировать. Они вообще не подумали ни о чем. Это нормально. Для украинской журналистики – нормально.

Каждый из этих молодых людей имеет два-три высших образования полученных параллельно в одном или нескольких вузах. Однако это не мешает им думать, что «патриотизм – это национализм», что «не спрашивай, что Украина дала тебе, подумай, что ты дал Украине» и что «Украина для украинцев». Ненависть столь естественная составляющая часть их образа мышления, что над этим не задумываются, как над необходимостью чистить зубы. Не ненавидишь русских? Да ты не просто не патриот, ты вообще не украинец!

Даже в середине 90-х быть украинцем было не более чем политической забавкой. На них смотрели, как на деревенских дурачков – пусть себе тешатся, они ж никому не мешают? Политическая составляющая всегда была главным пунктиком украинствующих.

Время повального обнищания вкупе с низвержением авторитетов и оккультной революцией вообще способствовало отречению от себя. В том, чтобы быть русским ничего привлекательного не было. Русская культура – унылый соцреализм, русская религия – дремучее мракобесие, бабульки со свечками. Скучища... То ли дело открывать чакры или следовать бусидо! И каждый интеллигентный человек, имеющий высокую культуру чтения, привитую ему тупыми совками, начинал изыскивать в себе тайное или явное сходство с древними ариями, викингами, а то и японцами. Или внезапно ощущал себя украинцем. Но если новообращенный «индус»

углублялся в йогу и эзотерический туризм, а «японец» изучал боевые искусства, то «украинец» начинал заниматься политикой.

Поколение, выросшее под неумолкающие завывания об отсутствии «национального самосознания» наличествующего у любой другой «политической нации», уже оказалось неспособно воспринимать существование мира с иной системой ценностей. А Русский мир не хотел видеть смысл жизни в обеспечении прозрачных выборов. Он страдал от того, что мы больше не летаем в космос и нет всемирной справедливости.

Украинствующие встроили все основополагающие ценности в канву национализма. Даже собственная церковь возникла под чисто политическим лозунгом «Независимому государству – независимую церковь!» Делая свой свободный выбор в свободной стране, взрослый сознательный украинец крестился в церкви Киевского патриархата, потому что это украинская церковь. Какой там Христос, какое спасение души, какой молитвенный опыт...

С упорством подростка, написавшего в соцсетях «Мне безразлично мнение окружающих», украинцы собирали атрибуты собственной независимости, хотя уважающей себя стране для этого достаточно герба, гимна и флага. Доступность высшего образования сыграла здесь самую существенную роль – ведь о политичности украинства твердили именно в университетах. Возможность получить за один курс обучения два, а то и три диплома, преподносили исключительно как достижение, как знак принадлежности к высшим достижениям евроатлантической цивилизации. На сколько сил хватит, столько образований можешь и получить. На практике увеличение количества дипломов, вполне предсказуемо обернулось уменьшением качества знаний.

Сон разума поистине рождал чудовищ. Идеологические штампы, сменившие в высшей школе науку рассуждать, критически мыслить и анализировать, не оставляли пламенным украинцам ни единого шанса на их осмысление. На первом курсе политологии профессор объяснял, что демократия – это когда реализуется воля большинства, но уважаются права меньшинства. На втором курсе тот же профессор громогласно заявлял, что только украинский язык имеет право на существование, так как украинцы обязаны говорить по-украински. Заявлял он это на хорошем русском языке, а аудитория соглашалась с ним, тоже на русском. Ни у кого не возникало когнитивного диссонанса, ничье чело не омрачила тень сомнения. Европейски образованные молодые люди оказались неспособны к простым логическим умозаключениям.

Елена

Все журналистские планерки похожи одна на другую. Вместо того, чтобы обсуждать темы, над которыми они собираются работать, сотрудники редакции выясняют отношения, колют глаза и оплевывают друг друга. Вот и сейчас выпускающий редактор вынес сор из избы, потребовав, чтобы корреспонденты и аналитики в понедельник озвучивали темы, которые сдадут в среду, а не только начинали обдумывать их: «В понедельник озвучиваете, в среду сдаете, в четверг мы мудохаемся над вашими бреднями, в пятницу номер уходит в печать. А то мы с главным вынуждены сидеть до часу ночи и до головной боли!» Главным редактором была рыженькая девочка Лена, которая выше всех тянула руку.

Хотя претензия выпускающего справедлива, директор Света не упустила возможности поставить на место несимпатичного ей выпускающего редактора: «Что-то я не видела, чтобы ты хоть раз засиделся до часу!» До часу выпускающий действительно не сидел, в среду часам в одиннадцать вечера он передавал вычитанные материалы Лене на утверждение в печать, а сам уходил домой. А вот Лена уже сидела и до часу ночи, и до двух, и до трех. Про головные боли тоже была правда, она сама видела, как выпускающий ест горстями цитрамон и бежит в туалет колоть себе кетанов.

Но, кого волнуют проблемы рабочего процесса, когда можно так сладко насолить сотрудникам! И вместо того, чтобы поддержать редакторов и сделать рабочий процесс более эффективным, директор Света пускала шпильки. Униженный выпускающий молчит, вопрос с хроническими опозданиями номера не решается, Александр Витальевич бежит колоть кетанов.

Лене было немного жалко выпускающего. Он маленький, худенький, с тонкими ручками и острыми плечиками. Постоянно носит джинсовую рубашку и журналистский жилет, видимо, чтобы казаться больше, шире, значительнее. А еще Лене казалось, что он к ней неровно дышит.

Весь первый год работы в средствах массовой информации, Лена задавалась вопросом: «Что я здесь делаю?» Раньше она знала ответ. У нее всегда была цель. У нее всегда были принципы. Она считала, что человек должен быть честным. Поэтому никогда не платила за сдачу экзаменов, каким бы нелепым не казался предмет или дотошным преподаватель. Она всегда сдавала сама. Один раз, когда преподаватель оказался слишком «нуждающимся», даже потребовала созвать комиссию. Пятерку ей поставили безо всякой комиссии. Лена не только хорошо училась, за ней было чувство собственной правоты.

– Я хочу работать журналистом, – перечисляла она сама себе свои хотения, – Я хочу побывать в зоне боевых действий. А потом выйти замуж и нарожать детей.

У нее всегда была цель. Поэтому, когда директор озвучила на самом деле актуальный вопрос: «Кто поедет в зону боевых действий?», она подняла руку. Иногда Лена думала, что зря училась на одни пятерки в гимназии с филологическим уклоном, потом заканчивала Шевченковский Национальный университет с красным дипломом.

– Что это дало мне, кроме желания поправлять речевые ошибки окружающих? – думала она и тут же поправляла себя, – Да, ладно, вру. Высшее образование, тем более качественное высшее образование, а не какой-нибудь университет «Украина», прости Господи, всегда давало мне ощущение собственной исключительности.

В университете Лену учили, что журналистика – это, прежде всего, поиск фактов, имеющих общественное значение. С самого начала она настраивала себя, что не станет бегать на интервью к поп-звездам и не станет писать заказных статей. Журналистика – это поступок. А более общественно значимого поступка, чем рассказать, что происходит на отдельных территориях ее страны, охваченных мятежом, сейчас было не сыскать. Так что Лена скорее дала бы руку себе отрубить, чем уступила бы кому-нибудь возможность поехать в Донецк.

Лена очень комплексовала из-за того, что считала себя слишком маленькой. Неуверенность эту в нее вселили вездесущие тетушки, немолчно и без всякого стеснения обсуждавшие, какая она худая и что такая худая мужа не найдет и родить не сможет. Она на самом деле была стройной и даже изящной, причем не только телом, но и лицом – с точеными чертами аристократки. Этот комплекс не смог побороть даже военно-спортивный клуб, в котором она познакомилась с Катей. ВСК остался, пожалуй, лучшим воспоминанием ее детства. Лена была окружена мужественными мужчинами, видевшими только ее достоинства и не замечавшими недостатков. Обе девочки постоянно ходили в берцах и камуфляжах, с офицерскими планшетами, перепоясанные портупелями. В школе на эту моду смотрели, как на придурь, но Лене с Катей было все равно. В форме они чувствовали себя защищенными. С этого момента Лена решила стать военной.

Мечта жила недолго. Лена была девушкой практичной и отдавала себе отчет, что в военное училище она не пройдет по здоровью. Вариант со взяткой она даже не рассматривала. Лена готовилась положить жизнь на алтарь Отечества, а это с подлостью несовместимо. Но и вешать нос тоже было не в ее характере. Так что мечта стать военной трансформировалась в план стать военным корреспондентом. Так в ее жизни появилась журналистика.

В отличие от подавляющего большинства пробующих себя в журналистике, Лена появилась на страницах газеты не с крошечной заметкой о неформалах или рассказом о понравившейся книге. Напечатали ее большой критический очерк о национальном единстве Украины. Лена доказывала, что украинцы еще в начале XX века, впервые создав государственность в лице УНР и ЗУНР, стремились к объединению и самостоятельные государственные образования вроде Подкарпатской Руси были явлениями вынужденными, переходными этапами на пути к полному объединению. Однако все больше углубляясь в тему, Лена, будучи честным исследователем, все больше видела, что заявленная ею тема исследования как-то не вытанцовывается. В школе на уроках истории Украины рассказывали совсем не так, как писали в воспоминаниях сами участники политического процесса. Добравшись до того момента, когда петлюровская Директория предала западную Украину, отдав ее полякам в обмен на военную помощь против большевиков, Лена почувствовала гадливость. Статью она закончила, потому что продолжала считать первоначальный постулат правильным, пусть не лидеры государства, но рядовые украинцы не могли не стремиться жить в одной стране!

Ее статью хвалили, но вместо упоительного чувства победы вдруг выяснилось, что ложь обесценивает то, что ты отстаиваешь с помощью лжи. Если твои ценности нельзя доказать правдой, то это какие-то неправильные ценности, лживые. Но державнисть была для всякого свидомого украинца настолько незыблительной величиной, что одним только сомнением ее можно было пошатнуть, но не ниспровергнуть. Одних личных метаний тут было маловато, тем более окружающие рьяно верили, что нация – высшая ценность и держава вместе с ней. А во имя этих ценностей можно принести любые жертвы – солгать, смолчать, пренебречь... Верили так истово, так непоколебимо, что эти понятия «нация» и «держава» даже в Еленином критически настроенном сознании стали синонимами.

Она пыталась не выступать в СМИ, если ей казалось, что информация пойдет во вред государственным интересам, но каждый раз получалось, что, прикрываясь государственными интересами кто-то что-то крал, а Лена знала, но молчала. Она пыталась работать на хороший имидж страны, но быстро убедилась, что на образ Украины в мире ее собственное поведение никак не влияет. Своей вдумчивостью, обязательностью, элементарной порядочностью она работала только на себя и свой имидж журналистки. Так, пытаясь участвовать в государственном строительстве, Лена ненароком сделала карьеру. Вернее, успешно начала.

В «Украину сегодня» ее пригласил сам Вячеслав Сергеевич. Он позвонил на мобильный, номер которого она ему не давала, поскольку они вообще не были знакомы. Представился, сказал, что внимательно следит за ее публикациями и видит ее в «Украине сегодня» главным

редактором, после соответствующей стажировки, естественно. Она поработает корреспондентом под руководством двух опытных, маститых, знаменитых, наберется опыта, поймет процесс и вуаля, сядет в кресло главного редактора.

Все это попахивало разводиловом, столь непрофессионально было сделано предложение и столь отдаленные перспективы озвучил Вячеслав. Опытный журналист сразу бы отказался. Но Лена не была опытной, она была мятущейся душой и большим страдающим сердцем. Она согласилась работать на две ставки – корреспондентом и главным редактором, получая только одну зарплату – корреспондента.

Она действительно начала работать, оставаясь в редакции до часу ночи. Сдав свои корреспонденции выпускающему редактору, она садилась вычитывать всю газету, в том числе собственные материалы, прошедшие правку выпускающего.

На второй месяц работы, Вячеслав Сергеевич пригласил ее, как будущего главного редактора, на курултай со спонсорами. Встреча предполагалась в Виннице, в ресторане, билеты и банкет оплачивала редакция, гостиницу тоже. Лену смущал только дресс-код. Требовалось быть в платье. Платья Лена сроду не носила. Ей нравилось считать себя пацанкой. Пришлось одолжить платье у Кати, которая комплекцией была немного крупнее Лены, но такого же роста. Меряя Катину платье в туалете редакции, Лена сама себе не понравилась. Но когда она смотрела на свое отражение в зеркале, где она стояла в платье в цветочек, больше похожем на бабушкину ночную рубашку, ей в голову пришла запоздалая мысль, а вдруг Вячеслав Сергеевич к ней просто так подкатывает и пытается этой поездкой с танцами выстроить с ней личные отношения или еще того хуже, просто воспользоваться ею?

Вячеслав Сергеевич был для нее слишком стар, так что сразу она и не подумала о нем, как о человеке, с которым может что-то быть. Поразмыслив об учредителе «Украины сегодня» в таком контексте и обсудив эту возможность с Катей, она все равно нашла это неприемлемым. Вячеслав Сергеевич делал очень интересное дело, но как мужчина был ей не интересен. Лене был нужен человек, который ни в чем бы он нее не зависел, которым можно было бы восхищаться, рядом с которым она гордилась бы собой.

Курултай со спонсорами ничем серьезным не оказался. Это был как бы корпоративный слет СМИ, существующих при поддержке USAID. Платье требовалось потому, что на вечеринке были запланированы танцы. Платье, надо сказать, Лена с собой взяла, но надевать постеснялась и пришла на вечеринку в джинсах с облегчением отметив, что половина участниц тоже предпочли джинсы.

Несмотря на столь явное нарушение дресс-кода, ведущая стала организовывать танцы. Вячеслав Сергеевич не замедлил пригласить Лену. Танцевала она также, как и носила платье – никак. Лена запаниковала, оправдалась тем, что ей нужно в туалет и сбежала с вечеринки к себе в номер. На утро Вячеслав Сергеевич не вспомнил о ее побеге, так что Лена облегченно выдохнула и решила, что он все же не пытался ее закадрить.

Лена чрезвычайно гордилась тем, что участвовала в самом начале Майдана. В ночь разгона студентов «Беркутом», она проверяла факты. В следующий выпуск «Украины сегодня» должна была пойти статья о молодежных протестах на Майдане Незалежности и после рабочего дня Лена пошла не домой, а на ночной Майдан, посмотреть своими глазами и оценить важность репортажа, ценность и достоверность собранного корреспондентом материала.

В ту самую ночь, когда «Беркут» впервые избил студентов на Майдане и попытался силой прекратить многодневный митинг протеста, она познакомилась с Тарасиком.

Было очень холодно той памятной киевской ночью. На Майдане немилосердно дуло и полиэтиленовые пакеты кружились в завихрениях воздуха, как ведьмы, собравшиеся на шабаш. Лена дышала в варежки, ребята курили, а Тарас рассказывал, что Украина лишена иного пути, кроме протестного, потому что не может независимая нация родиться сама по себе, только в крови закаляется новая раса, новое социальное государство и новая нация. Они

не знали тогда, что все, о чем он говорит находится так близко, что оно вот-вот наступит, а все они стоят как раз на пороге и вскоре всех закружит и понесет.

Было слишком холодно, чтобы спорить или просто рассуждать. Тарасик внезапно как-то сник, словно нехоти вспомнил что-то очень важное и очень грустное. Лене так захотелось обнять его и пожалеть, что она прижалась к нему и взялась за лацканы пальто. Он выдохнул облачко пара, еще немного и они бы поцеловались, но «Беркут» пошел на штурм.

Может быть, им тоже было просто холодно, но милиционеры и не пытались выпроводить студентов. Сразу вслед за криками «Разойдись!» последовали удары палками, словно милиция разогревала сама себя и раззадоривала.

Как они бежали! Лена потеряла шарф и задыхаясь остановилась только за черными кованными воротами Михайловского монастыря. За решеткой кричали, метались и свистели, а она смотрела во мглу, пытаясь разобрать, живы ли те, с кем она только что стояла у костра или их уже раздавила нелепая, немотивированная, звериная жестокость и ненависть «Беркута». Лена хорошо запомнила этот момент, потому что именно тогда мгла стала смотреть на нее.

Участие в «Штурмовой ночи» очень подняло Леночкин авторитет в кругах киевских журналистов. Все ее сотрудники, коллеги по цеху были твердо уверены, что она упорный и продвинутый сторонник перемен. А она хотела не свержения власти, а, чтобы страна жила по совести, чести и достоинству, или хотя бы по закону. И установление истины было неотъемлемой частью этого процесса. Даже кровавое противостояние на Майдане не смогло подорвать в ней эту веру в окончательное торжество правды.

Когда в столкновениях протестующих с милицией неизвестный из толпы заколол заточкой мальчишку-пепеэсника, Лена пыталась возвать к благоразумию протестующих, сказать, что среди них затесались бандиты, желающие не европейского пути развития, а просто залить Майдан кровью. Когда застрелили зарядом картечи армянина Нигояна, она пыталась добиться расследования, но ее слова утонули в волнах проклятий преступному режиму.

Проблески разума, сквозившие в елениных публикациях, ретушировались выпускающим редактором по прямому настоянию директора Светы. Лена задыхалась не зная, как писать и как редактировать – честно или против власти? Лена уже хотела отказаться от должности главного редактора и работать просто корреспондентом, но в суете и потоках обрушивающихся материалов – срочных, горящих, корреспонденты, по прямому распоряжению директора, стали сами выкладывать статьи на сайт, минуя всякую вычитку и корректуру, а на Еленину попытку возражать, Света рыкнула: «У нас нет цензуры!» В другое время это стало бы последней каплей, но события были такими интересными, а новости горячими, как бабушкины пирожки. И Лена осталась, затаив недоверие и наступив себе на горло, потому что чего она не выносила и не простила людям, так это предательства.

Глава 4. Очарование взрыва

Хортица. Начало сентября 2014 г.

Большая часть работы в средствах массовой информации – это тусовки и фуршеты. В неформальной обстановке журналисту проще заводить знакомства, собирать информацию из кулуаров власти, да и вообще не вредно посмотреть на чиновников без галстуков, а то они всегда такие серьезные, такие ответственные, такие озабоченные тяготами государевой службы...

Накануне боевой командировки руководство газеты решило провести журналистам «Украины сегодня» «курс молодого бойца», а не как обычно выбросить из лодки и смотреть, как они барахтаются. В субботу утром не только тем, кто едет в Донецк, а всем сотрудникам редакции без исключения и уважительных причин было велено явиться к редакции в спортивных костюмах, с одеялами и сухпаем на два дня.

Редакция арендовала автобус, который должен отвезти журналистов на остров Хортица, где военный эксперт обучит их поведению в условиях боевых действий. Все газетчики, кроме Лены, уложили в рюкзаки бутылки, плавки и надувные матрасы. Несмотря на взвизгивания директора Ольги о необходимости обучения поведению в горячей точке, все собирались купаться в Днепре, плавно выпивать в тенишке и вообще повеселиться.

Лена затарила вещмешок плащпалаткой, свитером и четырьмя ножами, а блокнот положила в офицерский планшет. Она надела почти новый британский камуфляж DPM с шевроном «Commando», купленный на развале секунд хенд, и берцы. Лена всегда подходила к делу обстоятельно и стремилась извлечь из любой возможности максимум пользы. Вот и сейчас она собиралась на самом деле пройти военную подготовку. Юность в военно-спортивном клубе, где у нее был позывной «Факел», прошла не зря и сейчас она собиралась применить все полученные знания, умения и навыки, чтобы не выглядеть лохом корявым. Когда она подходила к автобусу, то увидела нового сотрудника газеты, стоявшего к ней спиной. Андрей был одет в точно такой же, как у Лены, камуфляж и берцы. У ноги валялся брошенный на землю альпинистский рюкзак серо-зеленого цвета. Тусовка галдела и суетилась, лишь новый репортер монументально возвышался над человеческим морем. Лена тут же подумала, что он совершенно не похож на журналиста, скорее на военного. Андрей повернул голову, посмотрел ей прямо в глаза и слегка улыбнулся, приветствуя. Тут у Лены екнуло.

– Интересно, он вообще знает, как девушкам льстит такое внимание? – подумала она.

Поручик пришел в средства массовой информации уже третьим калачом, которого пытались прогнуть вооруженные силы и сожрать МВД. Убедившись, что и ВС и МВД не только не могут, но и не хотят, он начал искать возможность быть, потому что до сих пор ему предлагалось только сидеть на жопе ровно. Так что, в сущности, случайно подвернувшуюся работу в СМИ, он воспринял как возможность выражения абсолютно независимого мнения.

Не сумев сломать стену всепоглощающей косности силовиков, Андрей надеялся погрузиться в мир свободного творчества, но всеразличные молодежные сборища его только раздражали. Собирается до кучи чертова уйма молодых бездельников, которые живут в гостинице, едят-пьют и клубятся за чужой счет, и... все. Не то, чтобы ему самому не нравилось сладко кушать, мягко спать и круто тусоваться. Но его душила атмосфера бездействия.

– Ладно, – думал Ермаков, – может это мне не везет просто, это я попадаю все время в какие-то тупорылые движухи, а у других на самом деле идет образовательное движение».

Пользуясь статусом журналиста, которому по долгу службы положено обо всем у всех расспрашивать, Ермаков начал интересоваться у участников других тренингов: «Что вы там делали?» «Мы – лично росли», – отвечали ему. «А как? – продолжал интересоваться Ермаков, – делали-то чего?» По ходу расследования, у Ермакова вырисовалась вполне понятная кар-

тина. Никто не делал ничего. Благотворительные образовательные фонды собирали молодых и не очень журналистов, общественных активистов, и давали потусоваться, чтобы те привыкали, как собака Павлова, что все, что делают заокеанские друзья – это хорошо, будут печеньки и весело. И другого смысла нет и не было. Ну, разве что украинские политики вкладывали еще кое-какой смысл. Как метко выразился один незамутненный гений укрополитикума: «Мы вас тут собрали, чтобы вы нам демографическую ситуацию поправили».

Так на почве собственной нереализованности Ермаков сошелся с Тихомировым. Знакомство оказалось плодотворным. Вместе они реализовались как преподаватели, как журналисты, как инструктора, а теперь и как военные, мятежники и сепаратисты.

Когда комбат Тихомиров приказал Поручику возвращаться на Украину, тот поехал через «серую зону» разграничения между ополчением Донбасса и Вооруженными силами Украины, пользуясь тем, что всегда держался в тени и интервью с открытым лицом на камеру не давал. Подъезжая к украинскому блок-посту, Поручик увидел жовто-блакитный флаг. Его вдруг начало колотить, как в лихорадке, так что проверку он прошел в тумане беспамьятства и пришел в себя только въехав со свободных территорий обратно в «зону У». Второй раз переживать такое Поручик ни за что бы не хотел, но ехать через Крым и российскую границу, значило, терять время, которого у него и так не было. Поручик собирался отчалить прямо сегодня, но вместо этого поехал проходить «военную подготовку», поскольку на этом настаивало его новое руководство.

Общество молодых, восторженных и глупых его больше не раздражало. С началом боевых действий все стало на свои места. Это они – носители красно-черных флагов и красно-черных идей пролили слезы Донбасса. На историческом факультете Ермакова учили мыслить, рассуждать и даже заблуждаться. Но жизнь внесла коррективы. Как только идеи становятся причиной гибели других людей, на их пути кто-то должен встать и лучше, если с крупнокалберными аргументами наперевес. Нужно любить людей, нужно быть снисходительным к их ошибкам, недостаткам и заблуждениям. Но позволить себе такое отношение можно только тогда, когда ты ежедневно делаешь свое кровавое дело, иначе это не снисхождение, а трусость.

Поручик ожидал, что «семинар» выльется в обычный редакционный сабантуй на природе. Но начальство подошло к делу с размахом. Несмотря на близость войны, на Хортице проходил очередной национал-патриотический фестиваль. Недалеко от музея запорожского казачества и казачьего театра расположилась открытая сцена, запорожская степь покрылась яркими пятнами палаток и флагов. Украинский гитлерюгенд дефилировал между палаточными лагерями в национальных костюмах и камуфляжах. Преимущественно в немецком флектарне. Еще одна гримаса украинского национализма. Сколько они не кричат они о самобытности украинского народа, но на деле все перенимают у немцев.

Каждая национально-патриотическая тусовка на фестивале разбила свой палаточный городок. Комендант указал «Украине сегодня» их клаптик земли. Пока журналисты ставили палатки, вернее, орали друг на дружку, потому что каждый считал, что другой делает неправильно, Андрей бросил рюкзак на землю, устало сел на него и полуприкрыв веки осматривал окружающее пространство – мерно покачивающееся человеческое море. Лена подошла и села рядом с ним.

– Тебе тоже чужда эта суета? – спросил Андрей, как бы случайно прикасаясь плечом к ее плечу.

– Я опасаясь, что меня тут затопчут.

– Давай бросим вещи и пойдем в казачий музей.

– Давай Женю и Катю позовем, они хорошие, я вас познакомлю.

Женя оказался не еще одной девочкой, как подумал Ермаков, а молодым человеком Кати. Пока городок обрастал криво и неловко поставленными палатками, Андрей, Лена, Женя и Катя ушли к разошедшейся казацкой «Чайке», которая стояла рядом с казачьим же музеем,

казачьим кабачком и казачьим театром. Хортица – колыбель запорожского казачества. И все, что находится здесь обязательно именуется казачьим. Жовто-блакитные подростки сидящие на бортах «Чайки» тоже искренне считали себя козаками или, как минимум, их потомками и наследниками. Среди камуфлированных хлопцев сидела дивчина с черными бровями, в украинской вышиванке, длинной белой юбке и плахте. На шее – монисто из ярко-красных крупных бусин. Дивчина красивая, аж глазам больно. Широкоскулое славянское лицо. Жгучая брюнетка, немного смуглая, большие темные глаза и четко очерченные брови. Настоящая украинская дивчина – повна пазуха цицьок. Коса в руку толщиной с вплетенной красной лентой. Ее должны звать Олесей или Наташей. Олесей звали тихомировскую любовь, из-за которой он чуть не перешел в стан идейного противника. Впрочем, это было еще в незапамятные довоенные времена, когда такие случаи не были редкостью и не вызывали особого осуждения. Разрыв с Олесей был, пожалуй, самой серьезной личной трагедией Тихомирова. Олесю он любил без памяти, без оглядки и ради нее был готов прощать, понимать и даже оправдывать почти все закидоны новорожденной украинской нации.

Пикап учит нас одной простой вещи – относитесь к девушке, с которой хотите познакомиться, так, словно уже сто лет знакомы, и очень хорошо к ней относитесь. Главное в отношениях – искренность чувств и люди это интуитивно чувствуют. А, и еще бывает хорошо человеку что-нибудь дать материальное.

Андрей купил мороженое на всех. Подошел, сел с Леной рядышком на борт «Чайки», протянул одну персонально, адресно ей: «Съешь мороженку, а то жарко». Две другие отдал Кате и Жене.

Сидевшие рядом камуфлированные хлопцы оказались членами молодежи партии «Свобода» – «Сокол». С явной гордостью они говорили о том, что находятся в резерве Добровольческого Украинского Корпуса «Правого сектора» и вот-вот будут отправлены на войну. Все они мечтали попасть в самое пекло – в Донецкий аэропорт. Тема войны для Украины абсолютно приоритетна. О чем бы не начали говорить, разговор сведется к войне. Возможность поехать на войну уже каким-то образом в их еще детском сознании уже дает им право спрашивать с других: «А вы там были?!» Вся прочую информацию, кроме этого вопроса, сознание Поручика давно научилось отсеивать. Потому что он там был.

В сознании младоукраинцев, каждый кто хочет называться мужчиной обязан мочить сепаров. Если не уточнять, с какой стороны ты воевал, то рассказы о войне будут удивительно схожи и для той, и для другой стороны. В гражданской войне на Донбассе сошелся один народ, с одинаковым оружием, в одинаковой форме, говорящий на одном языке, совершающий одинаковые ошибки и одинаково думающий, что их предали.

Аэропорт штурмовали безостановочно практически все вооруженные подразделения ополчения Донбасса. Первый штурм аэропорта принес ополчению сокрушительное поражение. И это был не просто моральный удар, при первом штурме погибло множество настоящих военных профессионалов, которых так не хватало добровольцам всю оставшуюся войну. А тех, кому посчастливилось выжить, оттолкнула самонадеянность Скифа, планировавшего провальную операцию.

Сложность и длительность боев в аэропорту во многом была обусловлена большой открытой территорией, на которой возвышались три пупырями старый, новый терминалы и диспетчерская вышка. Ополченцы заняли здания на окраинах аэропорта и без конца обстреливали старый терминал, новый и вышку, не имея ни сил, ни умения для полноценного штурма. И понеслась. Открытое пространство взлетных полос и примыкающий к аэропорту поселок Жабуньки не принадлежали никому. Периодически там шаршились как ополченские, так и укропские разведгруппы, минировалось все, что подлежало минированию. Взлетка – это

отдельная песня. На территории аэропорта на самом деле оставалось еще несколько зданий, которые могли бы стать полноценными укрепрайонами, если бы не сложность снабжения. Как своевременно подвозить грузы и пополнение по открытой территории под огнем противника?

Укропы решали эту проблему, не считаясь ни с какими потерями. У них ведь никогда не было потерь... Донецким решить вопрос снабжения засевших в «Гостинице» и на «Двухэтажке» было проще. Во-первых, они ближе к Донецку, чем терминалы к Пескам. Во-вторых, уже успела сложиться традиция, по которой у подразделений ополчения снабжения просто нет. Партизаны, что уж тут...

Укровермахт формировал колонны бронетехники в Песках, а затем они с боем и под непрерывным обстрелом прорывались к старому и новому терминалам, разгружались и отправлялись в обратный путь, теряя несколько единиц брони в каждом таком рейде. Им удалось сосредотачивать в ДАПе столько оружия и личного состава, что ополченцы всерьез стали задумываться, а нет ли каких-нибудь подземных коммуникаций, по которым они просачиваются в аэропорт?

Но нет, никакими подземными ходами они не просачивались, а мчались безбожно газуя, стремясь скорее преодолеть километры открытого пространства и оказаться прикрытыми стенами терминалов.

Имей ополчение Донбасса нормально обученных артиллеристов, было бы несложно уничтожать колонны бронетехники на подходе к аэропорту, блокировать засевший в подвалах нового терминала и в диспетчерской вышке кировоградский спецназ, а там и уничтожить. Но тогда ополчение не было бы ополчением. А пока добровольцы воевали, как могли. Если наблюдатель вовремя замечал колонну, готовящуюся к прорыву, то у артиллерии не оказывалось снарядов. Если снаряды были в наличии, то не работала связь. Если и связь была в порядке, то команда поступала слишком поздно и арта отработывала по пустой взлетке. Но чаще всего артиллеристов просто не могли правильно сориентировать. Корректировщиком артогня выступал любой желающий, имевший связь с батареей. Учитывая отсутствие общих карт и согласованных ориентиров, наведение осуществлялось яростными криками: «Видишь холмик?! Шарахни по нему!» Надо сказать, что у укроартиллерии дела обстояли не лучше. Там тоже воевали вчера призванные из запаса, слабо ориентирующиеся в происходящем солдаты. Что до пресловутых самообстрелов, которыми неустанно попрекала ополчение укропропаганда, то причиной тому не адова хитрость или изощренная сепарская жестокость, а неумелость и иногда бракованные снаряды.

При виде настоящего боевика, хлопцы быстро сдали назад и вели себя смиренно. Дивчина могла бы прожечь в Поручике дырку одним лишь взглядом черных бездонных очей. Все дети хотят быть взрослыми. Поэтому им импонирует общение со взрослыми. Но тут нужно быть осторожным. В общении с подростком твое поведение должно быть решительным, мнение безапелляционным, но отношение, как к равному. Тогда он, оглушенный оказанным доверием, не сможет начать сомневаться, какую бы глупость ты не сказал.

Подросток и так все время сомневается и человек не уверенный в себе не сможет стать для него образцом. А образец ему очень нужен. В благополучных странах, а Украина до мятежа была весьма благополучной страной, взросление происходит медленно. Человеку уже двадцать пять, а психологически он все еще подросток. И все еще ищет твердую опору в этой жизни. Уставший от болтания, он с удовольствием ухватится за любую прочную основу. Поэтому оплотом национализма и стала молодежь. На этом сыграли укронацисты.

Потом Андрей с Леной гуляли, держась за ручку по всему лагерю, окруженные разноцветными шароварами, вышиванками, лентами и знаменами. За ними тянулся парадный конвой из «соколят», время от времени задававший вопросы: «А как понять, когда в тебя стреляют,

а когда не в тебя?» или «А надо ли в каску вкладывать демпферные подушки?» Поручик, на правах ветерана, иногда милостиво отвлекался от подруги и скромно объяснял, что когда свистит или падает рядом с тобой, то значит, и предназначалось тебе, а про демпферные подушки он первый раз в жизни слышит.

Когда тебе до двадцати, кажется, что с девушками сложно. У них другие интересы, они по-другому чувствуют, фортели эти их бесконечные... Но, вот вам переваливает за четвертак и все становится на самом деле сложно. До двадцати сложно строить отношения, потому что ни она не понимает, чего хочет, ни ты сам, ну, кроме секса, конечно. А после двадцати пяти тем более сложно, потому что она по-прежнему не понимает, чего хочет, но зато отлично знает, чего хотят от нее. Ничем ее уже не удивить, ни внезапно подаренной белой орхидеей, ни заботливо припасенным на вечер свитерком. Везде она уже побывала и в холостяцких берлогах, и в сауне с мужиками, и курортный роман на Красном море тоже был. Да и самого тебя как-то не вдохновляет на подвиги хотя бы потому, что половина твоих друзей с ней уже встречалась. И хотя они ее усиленно рекомендуют, но после пятидесятого секса волей-неволей задумываешься: а оно мне надо?

Поэтому накануне своего тридцатилетия Поручик предпочитал девушек не старше двадцати лет. Они еще достаточно глупы и любопытны. Опять-таки, если хочешь почувствовать себя умным – общайся с теми, кто гораздо моложе.

– А вы снова поедете на войну? – клипая глазами спрашивает дивчина. Зовут ее не Олеся и даже не Наташа, а Снежана.

– Конечно, поеду. Но я вернусь. Я отлично обучен и подготовлен, у меня опыт боевых действий. Мои шансы погибнуть не слишком велики. Надо там разгрестись, а потом у нас еще здесь дел и дел. Вернусь – будем власть менять, а то эти подонки только о своем кармане пекутся.

Позиция – я патриот, но в оппозиции к власти – правильная позиция. Сейчас их всех можно было бы завербовать и впредь они бы предоставляли свои квартиры, связи, информацию о происходящем внутри «Сокола», время отправления пополнений на фронт и численность территориальных батальонов, например. Но... это никому не нужно. Разведка Новороссии не в состоянии использовать такую информацию, а русские кладут ее под сукно. На Украине легко быть патриотом. Будь ты хоть жидо-массоном, хоть бандитом, хоть иностранным разведчиком, главное, чтоб ненавидел москалей и убивал сепаров. Когда Тихомиров поручил Поручику эту работу, никакие мозгоеды, как это сейчас любят, его покой не тревожили.

– Знаешь, – сказал Тихомиров, – я выбрал тебя, потому что ты по ночам спишь спокойно, совесть тебя не мучит, хотя я точно знаю, что она у тебя есть.

Чтобы пройти кровавую баню войны без разрушительных последствий для психики, нужно быть либо слишком тупым, чтобы не рефлексировать, либо иметь очень высокую мотивацию. Да, и еще, больше всех истекают ненавистью те, кто ничего не делает. Поэтому в интернете ненависти больше, чем в жизни. Волонтеры, журналисты, политики, которые слишком самовлюбленны, а потому слишком трусливы, чтобы сражаться с оружием в руках, ненавидят сепаратистов за то, что сами являются ничтожествами.

Ермакову никогда не нравилось жить на Украине, но с течением времени и увеличением количества убитых ненависть его угасла. Не так уж много осталось законов божьих и человеческих, которые бы он не преступил. Так что Поручик перестал судить о человеческом паскудстве. Совесть не мучила его не потому, что он поступал правильно. А потому что поступал, как должен.

Отношение силовиков к гражданским сродни отношению владельца оружейного магазина к покупателю. Приглашенная «звезда» – армейский прапорщик, инструктор минно-взрывной подготовки, вел себя, как и положено «звезде», искренне презирал журналистов и не считал нужным это скрывать. Все, что может сказать или спросить ничтожный граждан-

ский, он истолковывал как глупость несусветную и свидетельство умственной неполноценности. А армейский специалист по связям с общественностью, объяснил журналистам, отправляющимся в зону боевых действий, что им ничего нельзя, а потому и знать ничего не нужно. Военные грозно смотрели из-под кустистых бровей строгими глазами и уверяли, что ежели кого-либо угораздит куда-либо, то будет ой-ой-ой. А если газетчики будут сидеть под присмотром и никуда не соваться, то и опасности никакой не будет, тем более от мин. На том «обучение» и закончилось. А Поручик потянулся, и пока шустрые девчонки не разбежались, наклонился к красному от гнева ушку рыженькой Лены и почти касаясь губами ее тонкой кожи, сказал: «Пойдем, испуаемся, пока нас еще какой-нибудь ахинеей не нагрузили».

Лена сидела, сжав зубы от гнева и ярости. От обиды ее начинало трясти.

– Что это было?! – думала она, – Это и была нам минно-взрывная подготовка? Они что о себе там думают, что будут указывать, где мне сесть, где лечь, где стать?! Я – военный журналист и буду исполнять свой долг, а если подрвусь, то и хрен с ним. Я не для того еду на боевые, чтоб в бэтээре сидеть.

Все это она высказала, естественно, не тем, кому следовало, а Жене и Кате, а заодно и Андрею, который звал их купаться.

– Ставьте кофе, а я постараюсь устранить некоторые пробелы в вашем военном образовании, – сказал он, когда все четверо подошли к своим палаткам.

Лена с друзьями слегка обалдели, когда кроме кофе Андрей выложил на Женину плащ-палатку гранату, шнур цвета хаки, изоленту и черный анодированный карабин.

– Вот теперь можно и делом заняться, – Андрей уселся, скрестив ноги, сделал первый глоток кофе и начинал рассказывать, – Наиболее распространенные на сегодня на постсоветском пространстве мины – это ПМН-2, она же «итальянка», МОН и ОЗМ-72, она же «лягушка». Все эти типы мин мы только что видели у вояк, но изучить нормально не имеем возможности, поскольку им наплевать на нашу жизнь. Кроме того, активно используются ручные гранаты, как для постановки растяжек, так и в качестве мин разжимного действия. Ручных гранат фактически используется пять типов Ф-1, РГД-5, РГН, РГО и встречается РГ-42. РГ-42 – старого образца наступательная граната, отличить ее легко, она выглядит как банка стущенки. Ручные гранаты в качестве мин будут встречаться вам чаще всего, потому что они у любого бойца всегда с собой, чего нельзя сказать о самих минах. Граната Ф-1 – старейшая из существующих гранат. Появилась она еще в конце XIX века и успешно используется в наши дни без каких бы то ни было изменений в конструкции, потому что к совершенству добавить нечего. Это не единственный случай в истории оружия, когда первый образец оказывается идеальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.